ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДѢЛЪ

СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

А. Н. Гладкой.

Разсказъ объ арестѣ ея въ г. Константиноградѣ въ теченіи 20 сутокъ и тюремномъ заключеніи въ г. Новомосковскѣ— 122 сутокъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова. Новый пер., д. № 7.
1877.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДѢЛЪ

СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

А. Н. Гладкой.

Разсказъ объ арестѣ ея въ г. Константиноградѣ въ теченіи 20 сутокъ и тюремномъ заключеніи въ г. Новомосковскѣ— 122 сутокъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова. Новый пер., д. № 7.
1877.

Приступая къ печатанію своего тюремнаго дневника, имѣю цѣлью раскрыть свое правое дѣло, сколько возможно яснѣе представить положеніе Новом. тюремнаго замка и выказать, хотя слабымъ перомъ, ту сверхъестественную мощь, которая посылается правдивымъ въ тяжкіе для нихъ дни... Вѣра и молитва спасли мнѣ жизнь. Да послужитъ это урокомъ для тѣхъ, кто при гоненіяхъ теряется и погибаетъ!

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 8 марта 1877 г.

Въ 1847 году, послѣ смерти мужа моего Сахновскаго, захотѣлъ преслѣдовать меня родной братъ его, Петръ Сахновскій, желая быть распорядителемъ оставшагося состоянія и считая это состояніе своимъ, такъ какъ единственный наслѣдникъ былъ слабое и болѣзненное дитя. Я не согласилась, чувствуя себя довольно сильной, чтобъ принять тяжесть управленія дѣтскимъ имѣніемъ. Пошли распри, гоненія, и этотъ человѣкъ вздумалъ открыто предупредить меня запискою, что меня ожидаетъ *горе*. Бывъ друженъ съ предводителемъ, онъ зналъ, какими происками сдѣлать горе: сталъ бунтовать крестьянъ, находившихся въ опекѣ, и поддерживалъ неповиновеніе, доходившее до ужасныхъ размѣровъ; меня угнетали и разоряли какъ хотѣли, доставляя обѣщанное горе Сахновс. Бывъ молода и не зная судебной практики, едва успѣвала я защищаться отъ нихъ, жалуясь высшему начальству и бывъ защищена самимъ генералъ-губернаторомъ Кокош. Три года страшной жизни совершенно разстроили состояніе мое и здоровье, но преслѣдованія не прекратились. Когда я вышла замужъ—за человѣка, который одинъ велъ дѣла мои—осмѣлились даже за перемѣну фамиліи, силою въ 24 часа отнять у меня дѣтское имѣніе и отдать въ руки чужихъ опекуновъ, не смотря на то, что я ежегодно доставляла сыну моему 15 про-

центовъ дохода. Процессъ прибавился. Предводитель съ Сахновс.... дѣйствовали еще энергичнѣе противъ меня. Генер.-губерн. посылалъ слѣдователей и защищалъ мое правое дѣло. И наконецъ открылось, что я права: всѣ враги мои попались подъ судъ и слѣдствіе, а имѣніе дѣтское передали мнѣ, матери, назначивъ совмѣстнаго опекуна.

Преслѣдованія затихли, покой насталъ; такъ прошло полгода. Слѣдствіе шло надъ дѣйствіями враговъ моихъ, и вскорости, ожидали мы, откроются всѣ беззаконія, измучившія меня. Но въ это время судьбѣ угодно было поразить меня новымъ ударомъ: умираетъ второй мужъ мой, оставивъ мнѣ трехнедѣльнаго ребенка. Я потерялась, заболѣла, чуть не умерла. Хозяйство, дѣла, все было брошено на цѣлый годъ.

Враги мои не дремали въ это время. Слѣдствіе о нихъ совершенно прекратилось, и, увидавъ чрезъ годъ, что я еще жива, придумали составить новую кляузу: осудивъ меня въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами по секретнымъ перепискамъ предводителей. Мало этого: неожиданно арестовали меня въ городѣ Полтавѣ, не объявивъ за что, и содержали за карауломъ, въ жестокомъ арестѣ 68 сутокъ. Оказалось: крестьянъ въ Полт. губ. никогда не имѣла, дѣтскимъ имѣніемъ управляла съ совмѣстными опекунами. Генер.-губерн. Кокош. освободилъ меня изъ ареста. Я жаловалась, дѣлъ еще болѣе прибавилось, равно и враговъ. Вопросъ о жестокомъ обращеніи съ крестьянами разбирался долго въ 1-мъ депар. Пр. Сената. Я никакъ не могла оправдаться: донесенія изъ Полтавской губ. затемняли дѣло, а пока этотъ вопросъ разсматривался, имѣніе не только сына моего разорялось опекунами, но отнято было мое собственное, благопріобрѣтенное въ Екатер. губерніи за жестокость съ крестьянами

Полт. губер., которыхъ я никогда не имѣла, и разорили за 8 лѣтъ на 300 тыс. руб. сереб. Сколько ни вопила я, что крестьянъ въ Полт. губерн. не имѣю,—вопли мои заглушались и дѣло нескончаемо длилось по несправедливымъ донесеніямъ Полт. губ. пр., что имѣнія мои въ опекѣ. Тогда сочинила я вопросы и просила г. М. В. Дѣлъ запросить Губ. присутствіе: гдѣ имѣнія мои, Гладкой? Въ какихъ уѣздахъ Полт. губ. находятся? Кто тамъ опекунами и гдѣ доходы, поелику Гладкая не получаетъ доходовъ? Отвѣты пришли черезъ 12 лѣтъ!

Пока это дѣло длилось, мѣстныя власти нападали на меня все болѣе и болѣе, и видя мою невозможность защититься, положили сгубить меня всенепремѣнно... Угнетенная комплотомъ до того, что ни въ одну, ни въ другую губернію уже не пускали, я задумала уѣхать за-границу, тѣмъ болѣе, что сильно заболѣла: приливы крови къ сердцу и къ головѣ были ежедневные.

Ужасно было оставлять въ этомъ омутѣ, между врагами, неопытнаго юношу 20 лѣтъ (онъ сильно былъ привязанъ ко мнѣ и крѣпко любилъ меньшаго брата своего Гладкаго, дѣлясь всѣмъ во время гоненія на насъ въ Ек. губ. и защищая меня, мать свою), но другаго средства не было,—и вотъ онъ проводилъ меня за-границу.

Дѣло было тогда въ такомъ положеніи: я успѣла вырвать имѣніе изъ рукъ разорителей-опекуновъ, прошеніемъ ко Всемилостивѣйшей Государынѣ Императрицѣ, и они должны были отдать имѣніе мое старшему сыну, Сахновскому, хотя противодѣйствовалъ предводитель Герсевановъ, родственникъ опекуна Алексѣя А. Гана. Это обстоятельство ужасно встревожило виновниковъ въ Новомоск. уѣздѣ, и тотчасъ начались козни противъ молодаго моего защитника.

Переписка его со мною за-границу покажетъ современемъ свѣту, въ какое положеніе привели они это дитя, боровшееся съ ними за мать и ея состояніе. Борьба была неровная—противъ предводителя съ опекою, противъ опекуна... Они отняли у него имѣніе *мое*, хотя я и протестовала изъ-за границы, отняли, и тогда какъ онъ сдѣлалъ офиціальную бумагу, что за имѣніе матери будетъ вносить ежегодно 15 тысячъ руб. сереб., обезпечивая это своимъ Полтавскимъ имѣніемъ. Мало, что отняли, но еще отдали ничего не имѣющимъ опекунамъ для окончательнаго раззоренія. Отчаяніе сына было совершенное: онъ рвался, мучился, разсылая жалобы всюду!... Но Герсевановъ предв. и Алексѣй Ганъ, опекунъ, были сильнѣе его, дѣйствуя совмѣстно въ уѣздѣ—и всѣ жалобы его уничтожались ими!

Находятся тогда злодѣи, чтобы опутать молодое созданіе съ другой стороны; онъ не замѣчаетъ, что окружаютъ его, дружатся и развлекаютъ не съ добрымъ намѣреніемъ, и не видя преградъ несправедливостямъ, бросается въ другую жизнь—жизнь темную, разгульную, и начинаетъ сорить деньгами и тратить состояніе, нажитое трудами отца, матери и дѣда!—Состояніе было огромное—до 20 тысячъ руб. ежегоднаго дохода: 12 тысячъ шпанской овцы, болѣе ста штукъ рогатаго скота, большое хлѣбопашество и отличнаго чернозема 3400 десятинъ въ Малороссіи. Хотя имѣнія сильно пострадали за первыхъ опекуновъ, Алексѣя Гана, Саламахи и Кисличнаго, но при отдачѣ сыну въ 1860 году оставалось еще до 6 тысячъ овецъ и до 4-хъ тысячъ четвертей хлѣба въ Полтавскомъ имѣніи, тысячу пудовъ мытой шерсти въ Харьков. компаніи и 800 пуд. въ имѣніи. Я за-границею узнаю о положеніи сына и моего состоянія, слышу о благодѣтельномъ увольненіи крестьянъ: руки развязыва-

ются; кляузы въ сторону, враги мои должны теперь отдать мнѣ мою землю, мой родительскій домъ, изъ коего удалили. Въ здоровьѣ оправилась, спѣшу не такъ къ состоянію, какъ на родину, къ любимому, изнѣженному сыну; меньшой сынъ и братъ мой, Гладкій, бывшіе со мною, съ восторгомъ ѣдутъ обнять брата и друга. Восторгъ однако былъ непродолжителенъ: мы вскорѣ замѣтили, что сынъ, братъ и другъ перемѣнился, отъ насъ отдалялся и что-то скрывалъ, и узнали, что въ отсутствіе мое за-границу прожилъ 17 тысячъ руб. сереб. и надѣлалъ долговъ! Тогда представилось мнѣ ясно, чѣмъ кончится такая быстрая перемѣна въ сынѣ. Я старалась отвлечь его отъ злодѣевъ, опутавшихъ жизнь его; то нѣжности, то строгости употребляя, пугала его, что лишу наслѣдства, и наконецъ урезонила, что онъ долженъ ѣхать за-границу служить у консула Чавати, обѣщавшаго ему мѣсто, а я присмотрю его имѣніе, уплачу долги имъ сдѣланные, и давъ предводителю оффиціальную бумагу и обезпечивъ все это собственнымъ имѣніемъ Д. Т., а на расходы заграницею давала двѣ тысячи руб. ежегодно!...

Переговоры длились болѣе мѣсяца; сынъ часто отлучался въ Конст..... къ совѣтникамъ; я ожидала, что онъ согласится на мои материнскія предложенія, но комплотъ видно отдалялъ его отъ матери: отлучки сдѣлались чаще и чаще..... Новомоск. имѣніе мое еще было у опекуновъ — раззорителей, а я жила въ его Полтавскомъ имѣніи, которое прилегало къ землѣ моей и на которой то и было богатое хлѣбопашество и овцеводство.

Въ одинъ день, сынъ привозитъ управителя къ своему имѣнію; тотъ рекомендуется чиновникомъ: лице по наружности неблаговидное, нерасполагающее; я не препятствую, хотя имѣла уже управителя — добраго чело-

вѣка. Помощь въ хозяйствѣ нужна; увидимъ, каковъ будетъ.

Чрезъ три дня, въ отсутствіе сына, мнѣ докладываютъ, что сей чиновникъ, по фамиліи Чепурковскій, перегоняетъ съ имѣнія моего шпанскія овцы, взявъ для сего всю деревню. Это самоуправство удивляетъ и ожесточаетъ меня: я ѣду видѣть своими глазами нашествіе среди бѣлаго дня на состояніе мое. Глаза мои раскрываются — съ ужасомъ мечтаю, не участвуетъ ли сынъ въ этомъ—и встрѣчаю на степи своей разбитыя стада, въ разныхъ мѣстахъ, пѣшими и верховыми всадниками сопровождаемыя: отъ натиску котныя матки теряютъ ягнятъ, кровью испещрена земля. Я останавливаю овчарей-прикащиковъ, но Чепурковскій командуетъ не слушать и шествіе продолжается въ такомъ видѣ. 50 душъ пьяныхъ людей не урезониваются нашими доводами, что это грабежъ, за который придется отвѣчать. Эпизодъ этотъ такъ страшенъ, что я умалчиваю о немъ и вкратцѣ только показываю въ слѣдующей исторіи.

Разборъ дѣла въ Х. С. Палатѣ объ обидѣ чиновниковъ на службѣ послѣ присужденія Полт. Окр. Судомъ трехъ-мѣсячнаго тюремнаго заключенія, вышеозначенной Гладкой. Дѣло началось тѣмъ: будто Гл. обидѣла управителя Чепурковскаго, котораго вмѣстѣ съ нею обидѣли живущіе у нея дворяне-поляки. До этой жалобы за двѣ недѣли Гл. дала знать въ полицію и Земскій Судъ, что этотъ Чепурк., взявъ 50 душъ крестьянъ и напоивъ ихъ, отнялъ пять шпанскихъ овецъ, произведя чистый разбой на ея степи. Гл. просила выѣхать, сдѣлать дознаніе и возвратить ей отнятое.

Полиція и Земскій Судъ, получа такое заявленіе, не выѣхали. Гл. обратилась съ жалобами въ губ. гор. Пол.; тогда принялись нѣкоторыя мѣры и назначили выѣздъ

временнаго отдѣленія. Проходитъ мѣсяцъ—никто не выѣзжаетъ, овецъ Гладкой не отдаютъ, и ко всему этому отбираютъ и шерсть, бывшую въ домѣ до 800 пудовъ, также и прочую движимость, начиная уже продажу всего. Обо всемъ извѣщаетъ по начальству. Проходитъ еще двѣ недѣли; положеніе Гладкой не перемѣняется: она лишена всего, требуютъ даже, чтобы она выѣхала изъ имѣнія. Видя, наконецъ, свое безвыходное положеніе, она собирается ѣхать въ Петербургъ, хочетъ испугать виновныхъ—разглашаетъ о своей поѣздкѣ. Въ это время получается отъ предводителя Рѣдькина письмо, которымъ зоветъ Гл. окончить дѣло миромъ.

Соглашается заѣхать въ Конст. къ предводителю, услышать предложенія къ миру, но тамъ ее арестуютъ, боясь допустить въ столицу, и окружаютъ часовыми... Это все поручено было грубому, дерзкому человѣку, квартальному Старицкому. Беззаконіямъ конца не было: солдаты, были у оконъ, солдаты у дверей, квартальный Старицкій является ежечасно наносить грубости. Протесты (эстафеты) разсылались сначала въ городъ, но Старицкій не былъ остановленъ; тогда эстафеты полетѣли въ губ. гор., и распоряженіемъ губернатора велѣно удалить Старицкаго. Оффиціальными бумагами городничій Лоховъ доноситъ губернатору отъ 2-го и 5-го іюня, что Старицкій удаленъ и онъ самъ, городничій, является ко мнѣ—Гладкой. Сія переписка вовсе неизвѣстна, отъ нея все сокрыто; Старицкій еще чаще является къ ней—дерзости и разбои превышаютъ всякое понятіе. 8 іюня однако, совершенно неожиданно, караулъ былъ снятъ и Старицкій не показывался. 9-го Гладкая нанимаетъ лошадей, 10-го хочетъ выѣхать, но какъ только привели лошадей и стали запрягать въ арестованный вмѣстѣ съ нею дормезъ, Старицкій наскакиваетъ съ солдатами, запираетъ ворота,

бросается къ экипажу, гдѣ сидитъ Гладкая съ восьмилѣтнимъ ребенкомъ, хочетъ остановить выѣздъ, хватаетъ за горло кучеровъ. Крики и ужасы происходятъ во дворѣ, Гладкая убѣгаетъ тогда съ ребенкомъ въ свою квартиру, запираетъ комнату на замокъ!.. Старицкій, перебранившись съ кучерами, оглядывается, не находитъ Гладкой, бросается къ дверямъ квартиры, стучитъ, кричитъ: отворите! обѣщаетъ разбить двери. Ребенокъ, перепуганный, выскакиваетъ въ окно, болѣе сажени отъ земли. Гладкая, въ испугѣ за дитя, бросается туда-же, на улицу, и пока Старицкій вопитъ у дверей, Гл. съ ребенкомъ уже у стряпчаго ищетъ спасенія отъ разъяреннаго, требуетъ защиты!..

Казалось-бы, послѣ этого въ квартирѣ стряпчаго Гл. должна была найдти покой, а Старицкій не могъ-бы продолжать свои истязанія; но вышло напротивъ: стряпчій не только не остановилъ Старицкаго, но еще самъ требовалъ, чтобы онѣ удалилась изъ его квартиры въ прежнюю, гдѣ истязалъ Старицкій.

Какимъ образомъ арестъ продолжается до 28 сутокъ и какъ, наконецъ, измученная истязаніями, Гладкая и семейство ея заболѣли нервической лихорадкой и были обязаны доктору, который потребовалъ выпустить ихъ, спасеніемъ жизни—все это не можетъ быть помѣщено въ этой статьѣ. Современемъ представится свѣту и эта часть жизни страдалицы, нынѣ-же надо обратиться къ дѣлу Старицкаго. Оффиціальною бумагою, высказывается, что, наконецъ, Гладкую выпустили изъ заточенія; еле живая, доѣхала она до Харькова, а чрезъ два дня должна была отправиться дальше, такъ какъ одинъ членъ Х. полиціи благородно совѣтовалъ скорѣе ѣхать въ Петербургъ, а въ Харьковѣ не оставаться. Больные, совершенно разстроенные нервическими приступами, спѣшили удалиться и ожили, удалясь отъ своихъ мучителей.

Возможно-ли, чтобы послѣ всего этого возникло дѣло Старицкаго, будто обиженнаго Гладкою бранными словами! и не удивительно ли, что такое дѣло дошло до Харьк. Судебной Палаты, хотя Гладкая энергично разъяснила сама все дѣло въ присутствіи двухсотъ душъ, собравшихся въ Константиноградъ во время выѣзда Окружнаго Суда!.. Присудили къ трехмѣсячному тюремному заключенію и заставили писать апелляцію.

Начнемъ, для ясности, съ начала: Чепурковскій подаетъ кляузу, бывши обжалованъ за грабежъ, что его побили, и проситъ денежнаго вознагражденія, жалуется на Августина Гладкаго, Хомича и Тарлыковскаго. Временное отдѣленіе не выѣзжаетъ по дѣлу о грабежѣ; грабежъ скрывается, дѣло это прячется, а начинается дѣло Чепурковскаго, которое поручаютъ слѣдователю Виноградскому, племяннику Надарова, находящемуся подъ слѣдствіемъ съ 1850 года по дѣламъ Гладкой. Виноградскій выѣзжаетъ на слѣдствіе въ отсутствіе Гладкой; она въ Констант. хлопочетъ о выѣздѣ Временнаго Отдѣленія, а Виноградскій въ это время является въ деревню, гдѣ происходилъ грабежъ этимъ самымъ Чепурковскимъ, получаетъ свѣдѣнія отъ дворянъ Тарлыковскаго и Хомича, что Чепурковскаго никто не билъ, а вынуждены были пьянаго его взять и запереть въ комнату; какъ онъ, пьяный, лѣзъ въ окно къ Гладкой, а послѣ разбилъ стеклянную дверь и едва не вскочилъ въ ея комнату. Слѣдователь все это скрываетъ, привлекаетъ къ дѣлу Гладкую, а не трехъ дворянъ, на которыхъ жаловался Чепурковскій, и осмѣливается арестовать какъ Гладкую, вызванную на миръ въ г. Конст., такъ и этихъ дворянъ съ семействами и прислугою 12 душъ. Не описать, что̀ происходило на слѣдствіи. Виноградскій творилъ ужасы: слезами заливались невинные, торжествовалъ Чепурковскій и Виноград-

скій, спѣша выѣхать изъ деревни до пріѣзда Гладкой, которая не застала его только за полчаса!..

Гладкую арестуютъ, дѣла Чепурковскаго прячутъ, какъ грабежъ, такъ и жалобу его о побояхъ. Онъ просилъ только денежнаго вознагражденія за побои, будто ему нанесенные.

А изъ дѣла Чепурковскаго рождается дѣло Старицкаго, изъ Старицкаго—дѣла Виноградскаго и Красовскаго, слѣдователей, не боявшихся ни Бога, ни закона, которые творили въ глуши, въ степи, что хотѣли!..

Приступимъ кратко къ объясненію дѣла: Гладкая, ушедши въ Петербургъ, жила тамъ полтора года безвыѣздно и, наконецъ, вырвала свое имѣніе изъ рукъ раззорителей. Скитаясь 8 лѣтъ по бѣлу свѣту, сдѣлавъ въ эти 8 лѣтъ тысячъ 20 верстъ, развозя свои жалобы, доказала, наконецъ, несправедливое отнятіе и несправедливое удержаніе имѣнія въ Екат. губерніи въ опекѣ три года еще послѣ увольненія крестьянъ. И благодѣтельный министръ П. Валуевъ и товарищъ министра Тройницкій, которые съ ангельской добротой выслушивали полтора года жалобы Гладкой, отняли имѣніе у раззорителей, предписавъ телеграммою отдать ей его въ 24 часа.

За эти три года опекуны осмѣливаются представить дохода двѣ съ половиною копѣйки, какъ-бы въ насмѣшку, Она получаетъ одну землю, ни овецъ, ни скота, и рада, что хоть ограбленное имѣніе и родительскій домъ возвращаются ей, гдѣ она и поселяется. Скитаться ей надоѣло!..

Вотъ тутъ-то, за жалобы высшему начальству, начались разныя притѣсненія и пошли въ ходъ разныя кляузныя дѣла, въ томъ числѣ и Старицкаго... Виноградскій приступаетъ яростно, присылая повѣстки одну за другою, пугая ст. 26 наказа слѣдователямъ, что приступитъ къ силѣ. Она бодро отвѣчаетъ, что въ Константиноградъ не поѣдетъ, гдѣ истязали ее 28 сутокъ въ арестѣ; что дѣла

ея идутъ по Высочайшему повелѣнію у двухъ министровъ, окончатся въ Петербургѣ, а не въ Константиноградѣ.

Повѣстки приходятъ еще чаще и она, бывъ какъ-то не въ духѣ, отписываетъ ему, что онъ, Виноградскій, подъ слѣдствіемъ и судомъ по ея дѣламъ, не можетъ ихъ вести, что ст. 26 не дозволяетъ приводить силою, а требуетъ только извѣстить о причинахъ неявки, и что ему должны быть извѣстны законы Императора Петра I, нынѣ во всѣхъ Присутствіяхъ стоящіе, въ которыхъ объявлено: «за игру законами, какъ въ карты—смерть!..» Бывъ увѣрена, что поступила совершенно правильно, указавъ на статью въ Зерцалахъ, и остановитъ недостойнаго человѣка творить новые поступки.

Виноградскій, преслѣдуя одну мысль—спутать получше дѣла Гладкой—подаетъ жалобу, что она его обидѣла этой повѣсткой. Въ Уѣздомъ Судѣ засѣдали члены съ 1850 г., дѣйствовавшіе противъ нея, въ томъчислѣ и дядя Виноградскаго—Надаровъ, принимаютъ жалобу и передаютъ дѣло другому слѣдователю—Красовскому. Сей принимается еще горячѣе, заваливаетъ двѣ губерніи Полт. и Екат. сотнями бумагъ и требуетъ Гладкую, по Высочайшему повелѣнію, къ нему доставить. Приводитъ въ недоразумѣніе всѣхъ, Гладкая одна не обращаетъ вниманія на его повѣстки и это дѣло; отвѣчаетъ и этому: въ Конст. не поѣду!..

Красовскій раздраженъ до-нельзя, разсылаетъ уже какія-то конфиденціальныя бумаги; по старому судопроизводству ей ихъ не показываютъ... выходитъ тайная переписка... Въ это время по другимъ дѣламъ и въ хозяйствѣ что-то жутко Гладкой. Посредникъ Дверницкій, попавшись самъ въ отвѣтъ за неотдачу ей имѣнія, жметъ ее и раззоряетъ; ей некогда вникнуть въ это дѣло Старицкаго; продолжаетъ не обращать вниманія, разсуждая: мало-ли подобныхъ дѣлъ выводили на сцену враги ея;

она отдѣлалась своею правдою, такъ и теперь отдѣлается. Но не такъ-то вышло.

Становой, наконецъ, самъ привозитъ повѣстку, въ которой ясно выражено: взять силою и доставить въ Конст. Прочитавъ таковую, она съ удивленіемъ и гордостью спрашиваетъ: «Разскажите же, батюшка, какъ это у васъ силою берутъ?—мнѣ, право, интересно». Тотъ конфузится, но не сознается, что давно объ этомъ рѣчь идетъ, да только не рѣшаются приступить съ такими мѣрами къ энергичной женщинѣ, чтобъ иногда и самимъ не попасться въ просакъ. Слово за слово,—становой былъ человѣкъ не злой, — проситъ Гладкую навѣдаться въ Констан. Подобное предложеніе заставляетъ думать, что становой за одно со слѣдователемъ Красовскимъ; она на отрѣзъ отказывается отъ этой поѣздки, а чтобы успокоить становаго, даетъ опять отзывъ слѣдователю, толкуя вновь значеніе ст. 26 нак. суд. слѣдователямъ, удивляется смѣлости Красовскаго и выписываетъ слово въ слово Петра Императора законъ: «за игру какъ въ карты ст. закона—Сибирь и даже смерть», мечтая и этого также перепугать. Красовскій, получивъ отзывъ, взбѣшенъ, бѣжитъ къ Виноградскому и всѣмъ недругамъ г. Конс. По общему совѣту жалоба сейчасъ же пишется и сейчасъ передается въ тотъ же Констант. Судъ, который пустилъ Виноград. дѣло Стар. и Чепурковскаго; но третьему слѣдователю уже не передаютъ слѣдствія, и Красовскій предпринимаетъ всевозможныя сплетенія, дабы спутать какъ можно дѣло. Гладкая жалуется, оставляютъ безъ послѣдствій или возвращаютъ за написаніе на простой бумагѣ.

Красовскій не могъ не знать закона, обязывающаго его отстранить себя отъ дѣлъ Гладкой, если самъ затѣялъ съ ней процессъ; онъ зналъ его хорошо, тѣмъ болѣе оттого, что Гладкая какъ ему, такъ и Вино-

градскому напоминала этотъ законъ — но отъ дѣлъ ея не отрывался, ворочая ими 6 лѣтъ. Можно представить, что онъ выдѣлывалъ, имѣя всю возможность, какъ довѣренное лице отъ правительства, дѣйствовать въ двухъ губерніяхъ противъ Гладкой, какія онъ бумаги разсылалъ во всѣ присутственныя мѣста противъ нея! Онъ вмѣшалъ даже въ это дѣло Старицкаго, чужія дѣла и творилъ путаницу, какую хотѣлъ, а какъ въ это время шла передѣлка старыхъ судовъ на новый ладъ предъ открытіемъ гласности, а бумаги перевозились изъ одного уѣзда въ другой, то Красовскому способствовало все это—и онъ умудрился таки представить дѣло Стар. въ Кобелякскій Уѣздный Судъ и въ такомъ видѣ подготовилъ его, что, взявъ въ руки сію массу бумагъ, до 300 листовъ дошедшую, пробѣжавъ ихъ — вы ужаснетесь, что это за женщина Гладкая. По донесеніямъ его оказывалось, что она будто за разныя преступленія уже судилась въ Уголовной Палатѣ. И даже Уѣздный Кобелякскій Судъ, не вызывая Гладкой и не читая очень внимательно дѣла, предписываетъ доставить Гладкую къ слѣдователю. Красовскій еще энергичнѣе надоѣдаетъ Екат. губернатору и прокурору; тѣ передаютъ дѣло въ Губ. Правленіе, которое начинаетъ тѣснить становыхъ, поручая непремѣнно взять Гладкую. Становой, умный человѣкъ, отговаривается, что этого нельзя сдѣлать: Гладкая имѣетъ больное дитя, сама занимается хозяйствомъ, не имѣя кому поручить, притомъ женщина больная и можетъ не выдержать приступа силы.

Послѣ такого донесенія становаго, Ек. Губ. Правл. относится къ Красовскому, нельзя ли дать вопросныхъ пунктовъ на мѣстѣ, извѣщая, что Гладкой нельзя пріѣхать въ Константиноградъ. Красовскій противится, разсылаетъ жалобы въ оба губ. гор., протестуетъ, что его

требованія не исполняются. У Гладкой въ это время ужасныя дѣла: въ Екат. губерніи по имѣнію тѣснятъ, преслѣдуютъ, какъ прежніе враги Полтав. губ., такъ и опекуны, разорившіе ее и обжалованные ею, а посредникъ Д. дѣлаетъ неслыханныя притѣсненія. Волость и крестьяне, находящіеся на оброкѣ, творятъ ежедневныя беззаконія. Доходитъ до того, что она день въ день ожидаетъ окончательнаго разоренія и всевозможныхъ опустошеній въ имѣніи. Изъ протестовъ того времени положеніе ея видно. Обратимся же къ дѣлу Старицкаго. Даютъ опять ходъ жалобамъ Красовскаго; надоѣлъ онъ губернаторамъ и прокурорамъ: предписываютъ опять становымъ — тѣ являются. Гладкая отговаривается, не предполагая, чтобы дошло до чего нибудь. Такъ тянется время — 64, 65, 66, 67 годъ. Жизнь ея была сплетена изъ тысячи непріятностей и ужасныхъ приключеній: воровства, грабежи—все было допущено; состояніе держалось на волоскѣ!.., Нанять хорошихъ людей было невозможно; перебивалась тѣми, коихъ никто за дурное поведеніе не бралъ!.. Запрещено было къ ней наниматься! А ночного сторожа — ни за какія деньги не достанешь. Какъ солнце зайдетъ, такъ идутъ въ лѣски ея по рѣкѣ Орелѣ, гуляютъ, рубятъ лѣсъ и вылавливаютъ рыбу, да и кто же изъ сторожей могъ согласиться наняться. Въ 1866 году нашелся добрый человѣкъ; не побоялся ничего — одинъ Молдаванъ. Ему открыто обѣщали смерть и чрезъ три дня убили!...

Въ такомъ омутѣ женщинѣ, которая страшно была поражена этимъ убійствомъ человѣка, охранявшаго ея достояніе и лишившагося жизни, которая энергично отыскивала убійцъ, указывала на слѣды преступленія, раскрывала ихъ, и искала—до того ли ей было, чтобы думать

о кляузахъ въ г. Конст. Она заболѣла, протестуя тѣмъ болѣе, что сама все писала!..

Становые, которыхъ обѣщаютъ предать суду, какъ не изворачивались, но пришлось одинъ разъ выѣхать одному съ докторомъ и приготовить Гладкую къ искусу— къ силѣ!.. Одного намека въ видѣ шуточки достаточно было, чтобы понять доктору о невозможности приступа, безъ ущерба для ея здоровья... Донесли объ этомъ по начальству, а выѣздъ прикрыли деликатностями, знакомствомъ прежнимъ съ докторомъ. Идетъ опять время; Красовскій горячится, дѣлается опять предписаніе. Губерн. Правленіе становому приказываетъ непремѣнно доставить Гладкую силою къ слѣдователю, въ Константиноградъ. Она ничего не знаетъ, предъ нею тайна эта сокрыта. Дѣла, хозяйство и ко всему этому—заболѣваетъ меньшой сынъ ея, Николай, страшною болѣзнью скарлатиною!.. Отчаяніе всего семейства невыразимо!

Болѣзнь сына длилась два мѣсяца. Это обстоятельство, вѣроятно, замедлило и приступы къ силѣ...

Много было разсужденій какъ приступить къ Гладкой. Цѣлымъ комплотомъ дѣйствовали; теперь въ Новомосковскѣ, также какъ и въ Константиноградѣ главными дѣятелями были опекунъ Алексѣй Ганъ и посредникъ Дверницкій. Услуживалъ имъ исправникъ Рыжковъ, который взялъ на себя доставку Гладкой силою, а въ помощь себѣ волостнаго старшину, становаго, свидѣтелей, какихъ ему было угодно, и сто душъ крестьянъ!

Приступъ описанъ во временныхъ жалобахъ Гладкой. Читайте, гг., читайте, ужасайтесь и благословляйте Того, который далъ вамъ гласный судъ! ни вы, ни дѣти ваши не могутъ ожидать ничего подобнаго, что пришлось вынести Гладкой!

Новое дѣло, какъ видите, родилось, дѣло ужасное:

могла умереть Гладкая, могъ умереть недавно оправившійся отъ страшной болѣзни сынъ ея! А что сдѣлали съ братомъ и съ управителемъ ея: одинъ чуть не вынесъ горячки, другой чуть не застрѣлился!..

Гладкая, еле живая, бывъ привезена въ Константиноградъ, была отпущена чрезъ сутки, давъ отвѣты Красовскому. Пріѣхавъ, должна была писать протесты и описывать разбойническое нашествіе Рыжкова съ понятыми. О Старицкаго дѣлѣ нечего было хлопотать, такъ какъ въ Константиноградѣ узнала, что все дѣло на ея сторонѣ: свидѣтели высказывали беззаконія Старицкаго, а одинъ только пьяный показалъ, что нагло его бранила дуракомъ. При этомъ всѣ показали, что Старицкій разбивалъ дверь въ квартирѣ Гладкой и что она ушла съ ребенкомъ, выскочивъ въ окно.

Нашествіе Исправника Рыжкова.

18 ноября 1868 года Исправникъ со Становымъ и сотнею людей понятыхъ оцѣпилъ домъ мой. Въ это время мы пили чай. Можете понять, что въ степи, въ глуши такое нашествіе приведетъ въ ужасъ хоть кого!.. Сохранить присутствіе духа хозяйкѣ возможно было лишь при убѣжденіи въ своей правотѣ и при воззваніи къ Господу! Чрезъ нѣсколько минутъ вбѣжалъ ко мнѣ въ комнаты мой управитель, блѣденъ какъ смерть, и объявилъ, что пріѣхали описывать имѣніе мое. Какъ на имѣніи оставалось долгу всего 800 руб., а за крестьянами оброка было почти столько-же, то я и передала чрезъ управителя бумагу объ этомъ разсчетѣ. И какъ управитель просилъ показать свой видъ исправнику, то и эту бумагу мы отдали. Чрезъ полчаса опять вбѣжалъ управитель и съ ужасомъ разсказывалъ, что коляску мою и лошадей бе-

рутъ, что ему дѣлать? Догадавшись, чего надо ожидать, я приказала управителю смотрѣть только на все, что будутъ дѣлать, не препятствуя силѣ... И спросила его: «Сказали-ли вы, что я больна?» —Сказалъ, отвѣчалъ онъ. «Идите-же съ Богомъ, смотрите это бѣдное хозяйство, а мы запремся всей семьею». Управитель ушелъ, и мы стали запираться и забивать двери. Коля тревожился, дрожалъ, братъ былъ блѣденъ. Сотскіе въ бляхахъ, и, мужики смѣло заглядывали въ окна. Я взяла Евангеліе и громко читала, вспомнивъ, что еще одна дверь не забита съ другаго конца, послала забить и ту. И въ осадномъ такомъ положеніи написала письмо къ старшему сыну, прося его пріѣхать, бросила управителю въ форточку, приказавъ отправить. Чрезъ четверть часа управитель пришелъ и разсказалъ, съ какимъ трудомъ отправилъ онъ письмо—лошадей не давали! Все это возмущало: для жалобъ въ степи одна дистанція—Небо! Слава Богу, что у насъ была вода и хлѣбъ! Разсчитывая, что осадное положеніе продлится сутокъ двое или трое, то мы обезпечены, а тамъ пріѣдетъ и старшій сынъ! Видно, что Алексѣй Ганъ, предводитель, мститъ мнѣ за искъ на него въ сорокъ тысячъ и хочется ему уложить меня въ могилу! Господь не допуститъ! Ложусь отъ изнеможенія въ постель, беру Евангеліе, читаю. Братъ и сынъ возлѣ меня! Бьетъ 12 часовъ. Кругомъ дома бѣготня. Управитель докладываетъ, что собираются ломать дверь; дитя перепугалось, вскакиваетъ на мою постель...

20-го ноября.

Могу-ли не воздать тебѣ, о Господи, хвалы, подобающей милосердію Твоему! Я жива еще, послѣ истязаній такихъ, какія перенесла въ эти дни! Убивали—не

убили, морозили—не замерзла и не простудилась! Истязали и вмѣсто того, чтобы слечь окончательно въ постель—я бодрствую! Раны на тѣлѣ моемъ и синія пятна на рукахъ отъ звѣрскихъ сжатій солдатъ! Кости мои ломитъ, все тѣло болитъ при одномъ воспоминаніи, что́ было со мною въ этихъ комнатахъ!.. Но духъ бодръ, голова свѣжа!.. Продолжу-же вновь горячее служеніе Твоей св. правдѣ и оглашу разбой!..

Отъ 12-ти до 3-хъ часовъ ломали двери въ каменномъ домѣ моемъ, а мы читали Евангеліе. Наконецъ, первая дверь упала, сынъ крѣпко испугался, Евангеліе выпало изъ рукъ его! Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, я не осмѣлилась требовать еще читать! Братъ сидѣлъ какъ убитый. Тогда я взяла Евангеліе и начала громко читать: голосъ мой былъ еще силенъ, сама-же ослабѣвала!.. Затрещала другая дверь, ударили топорами — упала и та. Мы слышимъ, толпа ринулась въ кабинетъ мой и, не нашедши меня, сильно разъярилась! Подошли къ спальнѣ и Исправникъ началъ кричать: «Именемъ Закона, отворите! разобью, разобью!» Я читала; мои, какъ окаменѣлые, сидѣли и смотрѣли на образъ Матери Божіей въ спальнѣ моей. Еще нѣсколько минутъ—толпа стоитъ около двери, вслушивается въ чтеніе мое!.. и, наконецъ, топорами выбиваетъ и третью дверь!.. Въ одинъ моментъ—на крикъ Исправника: «Именемъ Закона, берите ее!» бросаются солдаты, переодѣтые жандармами, къ моей постелѣ, вырываютъ Евангеліе изъ рукъ, кидаютъ на полъ и, звѣрски скрутивъ мнѣ руки назадъ, ломаютъ пятидесятилѣтнія кости мои и держутъ, какъ цыпленка крыльями вверхъ, когда хотятъ его рѣзать. «Именемъ Закона, опять кричитъ Рыжковъ, свяжите ее и выводите!» Солдаты тащутъ меня; братъ кидается, говоря: «Не мучьте, что вы дѣлаете?» Рыжковъ кричитъ: «Возьмите и его,

возьмите!» Схватили и брата. Дитя подбѣжало—оттолкнули и его въ толпу!.. О, какъ сердце мое раздиралось за нихъ! Страшась за сына, я не чувствовала, что солдаты все болѣе впивались ногтями въ руки мои. Я просила брата: «Оставь меня, береги дитя, да смотри только, чтобы не убили меня!» Не помню, что было далѣе, какъ вытащили изъ спальни, протащили чрезъ кабинетъ!.. Была въ обморокѣ!.. На сквозномъ вѣтру, въ корридорѣ очнулась, стоя босыми ногами на холодномъ полу. Мнѣ стало холодно; смотрю: толпа чужихъ людей окружаетъ меня; солдаты впились въ руки; увидѣла старосту своего и мужиковъ, кричу: «Возьмите вы меня, держите вы: солдаты сломаютъ мнѣ руки!» Рыжковъ закричалъ—и тѣ не двинулись. «Одѣньте меня, я босая, шубу мнѣ! онъ хочетъ уморить меня, убить, простудить, а я должна жить, перенести разбой!.. Одѣньте!» На крикъ мой вбѣжалъ братъ, вырвавшись отъ мужиковъ, которые его держали въ спальнѣ. Снималъ съ себя шубку и отчаянно надѣвалъ на меня. Солдаты, боясь выпустить меня, не пускали рукъ, и пока одѣли меня, то измучили!.. Несчастное дитя явилось съ бѣлыми пятнами на лицѣ, все синее, кричитъ на Рыжк.: «Что вы дѣлаете? что вы дѣлаете? развѣ мамаша убѣжитъ? зачѣмъ мучите ее, крутите руки?» Рыжк. конфузится, но не останавливаетъ злодѣевъ и ломаніе и выворачиваніе продолжается!.. Я кричу: «Опять солдаты руки ломаютъ, идите на помощь!» Ребенокъ отчаянно бѣгаетъ въ толпѣ. Тогда вбѣгаетъ управитель и братъ. Я прошу: «Спасите меня, бросьте все состояніе ему, пускай расхищаетъ; меня не дайте убить! Смотрите, я босая и руки злодѣи ломаютъ!» Братъ бросился искать одежду, управитель къ рукамъ, но испр. Рыжк. оттолкнулъ его и закричалъ на мужиковъ: «Именемъ Закона, тащите его» и тѣ оттащили его. Вижу Становаго, напоминаю ему за-

коны, говорю: «Вы должны не допускать разбоя, вы будете отвѣчать». Становой молчитъ, а Исправникъ, грозно посмотрѣвъ на него, затопалъ ногами и закричалъ: «Я и Становаго возьму, свяжу!» Тогда Становой отвѣчалъ: «Не смѣю, я меньшее лице». — «Неправда, говорю я, младшій имѣетъ право остановить старшаго, показавъ законъ, если дѣлается вопреки законовъ». Напрасны были мои напоминанія о законахъ! Меня терзали въ холодномъ коридорѣ, а душъ тридцать чужихъ людей бѣгали, то въ кабинетъ, то въ спальню!.. Тогда, вышедши изъ терпѣнія, еле живая, начала я кричать на Исправника: «Куда ты везешь меня? Кто далъ тебѣ власть такъ мучить меня?» — «Я знаю, куда везу, по Высочайшему повелѣнію», отвѣчалъ онъ. — «Какъ, вскричала я, ты именемъ Государя смѣешь такъ дѣйствовать въ глуши, въ степи и мучить невинныхъ вдовъ и сиротъ? Подъ судъ отдамъ тебя, подъ судъ; слетитъ съ тебя шапочка со звѣздочкой, надѣнешь арестантскую за истязанія сиротъ!» — «Ничего, отвѣчалъ переконфуженный Исправникъ, понимая уже и самъ, что беззаконничаетъ. Пробѣгалъ опять сынъ мой, Исправникъ спрашивалъ, поѣдетъ-ли онъ со мною. Тотъ отвѣчалъ: «Непремѣнно. Я вамъ ужъ это три раза говорилъ». Солдаты все крѣпче и крѣпче жали мнѣ руки, и я отъ боли опять требовала, чтобы мужики замѣнили ихъ, но Исправникъ закричалъ и всѣ отскочили.

— Слушайте, мужички, вы также свидѣтели теперь, вы должны знать, что совершается! Знайте, что онъ беззаконничаетъ, никакой бумаги у него нѣтъ, и онъ мнѣ ее не подалъ и не читалъ. Кто его сюда прислалъ? Онъ долженъ былъ объявить, за что онъ терзаетъ меня. Разсудите, возможно-ли и дозволено-ли закономъ такъ поступать?

Мужики опустили глаза, разсуждали, а одинъ изъ дво-

рянъ, незнакомый мнѣ, старикъ, сказалъ: «Читали бумагу». Тогда воскликнула я: «И вы, сѣдой старикъ, смѣете неправду говорить. Старецъ, можетъ быть до вечера вы будете въ могилѣ.» Старикъ замолкъ, а я начала вновь объяснять присутствующимъ, что бумаги никакой мнѣ не показали, значитъ ее нѣтъ—и все совершено разбоемъ. Исправникъ суетился и десять разъ спрашивалъ сына, поѣдетъ ли онъ. Я отвѣчала: «И спрашивать васъ не станетъ, а конечно поѣдетъ. Ты теперь для насъ не Исправникъ, ты—мучитель, беззаконникъ!» Сынъ бросился, цѣловалъ руки мои и уговаривалъ по французки не сердить мучителя. «Не могу, отвѣчала я, не могу; теперь это утѣшеніе мое. 12 бутылокъ вѣрно осушилъ, иначе не ломалъ бы костей.» «Ни одной еще не выпилъ», заикаясь отвѣчалъ Исправникъ, переступая съ ноги на ногу! «Ты какъ пьяный поступаешь. Куда везешь меня? говорю тебѣ при людяхъ—сознайся.»—«Не могу, отвѣчалъ онъ, это мое дѣло. По Высочайшему повелѣнію.»—«Покажи бумагу, покажи—иначе никто не повѣритъ тебѣ!» Вбѣжалъ братъ, надѣвалъ на меня ботинки, шубу. Солдаты крутили мнѣ руки. Наконецъ Исправникъ махнулъ солдатамъ, и тѣ потащили меня къ коляскѣ. На крыльцѣ увидѣла я, что коляска безъ подушекъ; солдаты не глядя пихаютъ въ коляску. Я противлюсь и на Исправника кричу предъ толпой мужиковъ: «Подушки давай, подушки. Что ты думалъ, готовясь столько часовъ, что подушекъ даже нѣтъ!» Растерянный побѣжалъ самъ за подушками; и вынесли, начали умащивать, посадили меня. Сынъ, бѣдняжка спѣшилъ усѣсться также. Солдаты умостились на ногахъ моихъ, а такъ какъ имъ стало тѣсно, одинъ сѣлъ съ кучеромъ. Братъ, думая, что его пустятъ, вскочилъ въ коляску, но Исправникъ заревѣлъ: «Возьмите его, возьмите!» —и потащили его мужики отъ насъ! Боже, что совер-

шалось — описать невозможно, и какъ страдали мы — это одному Господу извѣстно! Перомъ не описать этихъ страданій! . . Я высунулась еще изъ коляски и кричала: «Не быть тебѣ Исправникомъ, не быть, пойдешь въ Сибирь. Не ты везешь меня, а я тебя везу. Ѣду, чтобы спасти людей отъ когтей твоихъ. Что дѣлаешь ты съ мужиками, когда не побоялся со мною такъ поступить!» «Пошелъ, пошелъ», закричали на кучера солдаты, и загремѣла по мерзлой землѣ коляска. — Сынъ бросился, цѣловалъ и просилъ успокоиться: «Мамаша, лучше молчите, они убьютъ васъ.» О, Боже, Боже!. Я обѣщала замолчать, а свѣжій, просто холодный воздухъ привелъ меня въ хладнокровіе. —Сыну стало холодно, спрашивалъ меня не мерзну ли? Солдаты, вмѣсто шинелей, надѣли шубы. Одна я, распахнувъ шубу, сидѣла открывшись. Укройтесь, ради Бога», уговаривалъ мой Николай, а мнѣ жарко да жарко!. Наконецъ подъѣхали мы къ Волости; душъ 30 народу высыпало, все старосты и должностные—запрягали лошадей. Солдаты спѣшатъ, командуютъ, мужики боятся, отъ страха не могутъ поспѣшить. Я разглашаю разбой. Должна была разглашать о случившемся, не зная, куда меня везутъ. Могла полагать: завезутъ за сто, за 200 верстъ, убьютъ и концы въ воду!. Пускай же по станціямъ знаютъ все!. Мы не ѣхали, но летѣли; не понимаю, какъ я не боялась—чужими лошадьми во весь галопъ летѣть, когда своими всегда ѣду осторожно и тихо!. Въ Перещепинѣ опять остановились. Я сказала Становому, что мы озябли и измучились, надо переночевать, — можемъ простудиться, такъ какъ мы дурно одѣты. Но Становой отказалъ на отрѣзъ!. «Мнѣ приказано не останавливаться и къ свѣту возвратиться самому.»—«Вы заморозите насъ, безсовѣстный!» — «Что дѣлать, отвѣчалъ онъ равнодушно, я не могу ничего, Але-

ксандра Николаевна!» Можно представить, что чувствовала я, бывъ въ рукахъ такихъ злодѣевъ. Насъ не пустили даже солдаты обогрѣться, и я крикомъ къ народу на улицѣ заставила хоть сына впустить въ избу обогрѣться. Долго-долго запрягали, Становой у знакомыхъ прохлаждался, коляска стояла противъ вѣтру, снѣгъ сыпалъ въ лице! Наконецъ запрягли, тронули. Становой опомнился, прислалъ пальто укрыть сына!. Ночь была темная, снѣгъ продолжалъ идти, закрыть коляску невозможно было, солдатъ сидѣлъ въ ногахъ!. По примѣтамъ начали мы понимать, что везутъ насъ въ Константиноградъ, а не въ Новомосковскъ. Какъ Губернаторъ въ Полтавѣ перемѣнился, то и надѣялись, что въ Константиноградѣ лучше. Мнѣ стало ночью дурно, около сердца жгло, въ глазахъ темнѣло! Отъ Коли надо было скрывать—не унывать и не падать духомъ! Лошади мчались все быстрѣй! Коляску перекидывало съ боку на бокъ, я просила ѣхать по тише; солдаты не слушали, кричали кучеру безпрестанно: «Не отставай отъ экипажа Становаго» и безпощадно били лошадей! Наконецъ проскакалъ мимо нашей коляски верховой къ Становому и передалъ какой то пакетъ. Мы послѣ узнали, что то былъ актъ, сдѣланный Рыжковымъ о неповиновенiи моемъ и моихъ грубостяхъ. Въ этомъ актѣ однако же сознается, что разбилъ трое дверей въ моемъ домѣ и вошелъ ко мнѣ въ спальню, и какъ схватилъ меня, и какъ арестовалъ брата и управителя, заперевъ ихъ въ холодную комнату. Приказано было непремѣнно догнать Становаго и отдать сiю бумагу. И вотъ вдали показались огоньки. «Константиноградъ», проговорилъ Коля. Константиноградъ! Морозъ пробѣжалъ по жиламъ: я вспомнила ужасный арестъ, теперь же надо было ожидать тюрьмы!.. —Летимъ, летимъ, тюрьму проѣхали. Коля посмотрѣлъ на меня, я на него—и вдругъ

коляска остановилась возлѣ полиціи. Становой побѣжалъ въ полицію—оттуда поскакало двое верховыхъ въ разныя стороны, выпрягли изъ коляски у насъ лошадь и послали третьяго будоражить Константиноградъ. Кучера наши смерзли и пошли грѣтьтя, солдаты также, одни мы сидѣли на вѣтру болѣе часа! И вотъ на дрожкахъ кто-то явился. Ждемъ, когда же позовутъ насъ и куда дѣнутъ! Дрожки съ сѣдокомъ уѣзжаютъ—и опять никого. Такъ прошло еще полчаса, и наконецъ насъ извѣстили, что слѣдователь съ Исправникомъ пріѣхали и просятъ насъ. Становой самъ пришелъ за нами. Я навѣрно полагала, что насъ посадятъ за рѣшетки. Просятъ войти въ комнату Исправника. Узнаю —тотъ самый, который 7 лѣтъ назадъ мучилъ насъ въ арестѣ. Не снимая шубы, вхожу съ Колею—посреди комнаты стоитъ Исправникъ, прищуриваетъ глаза, не кланяется мнѣ и глядитъ съ высоты своего величія. Возлѣ него сидитъ слѣдователь, не встаетъ, только выпучилъ глаза. Я гордо посмотрѣла на нихъ и прошла мимо. Раздѣваюсь и оглядываю ихъ съ презрѣніемъ съ головы до ногъ!—Оба сконфузились. Слѣдователь всталъ, поклонился и Исправникъ заговорилъ: «Кажется, знакомые, Александра Николаевна?»—«Да, отвѣчала я насмѣшливо, семь лѣтъ назадъ вы меня держали тутъ въ арестѣ 23 сутокъ.» —«Не я, отвѣчалъ, покраснѣвъ, меня тутъ не было!»—«Какъ не вы? Вы именно, по крайней мѣрѣ на васъ ссылались»—«Нѣтъ, не я», повторилъ. «А теперь же кто?» спрашиваю. «Знаете, что сдѣлалъ Новомосковскій Исправникъ—побилъ двери въ моемъ домѣ, изломалъ мнѣ руки.—Увидимъ, чѣмъ все это кончится!» Слушали молча мой разсказъ, глаза опускали. Слѣдователь засуетился, сѣлъ писать и черезъ нѣсколько минутъ подалъ мнѣ записочку росписаться, что я не выѣду изъ города, обѣщая, что въ Константиноградѣ

никакихъ жандармовъ быть не можетъ. Сначала я не хотѣла расписаться, но подумала, что только продлится дѣло—и расписалась, тѣмъ болѣе, что нездоровіе увеличивалось. Потомъ просили меня отложить слѣдствіе.. Я напомнила имъ, что могу требовать безотлагательно слѣдствія, тѣмъ болѣе, что смѣли меня взять насильно. Просьбы продолжались. Зная, что настаивать не могу, согласилась. Когда спросили о моей квартирѣ, я отвѣчала: «думайте сами о моей квартирѣ съ Новомосковскимъ Становымъ, который мчался, какъ оглашенный, во весь галопъ къ вамъ и не остановился въ Перещепинѣ на ночь!» —Выговаривала Становому за его поведеніе съ Рыжковымъ и твердила, что будетъ отвѣчать съ нимъ за всѣ беззаконія. Становой молчалъ. Ему приготовили росписку и отпустили. Я спрашивала: «А что вы Рыжкову эту росписку повезете, что доставили мѣшки съ золотомъ благополучно? вспомните вы съ нимъ это золото!» Становой спѣшилъ удалиться—а мнѣ также поспѣшили нанять квартиру и старались казаться вѣжливыми. Лакей Исправника проводилъ насъ въ гостинницу. Когда же вскорѣ явились и солдаты за нами, то Коля удивился, сердился и говорилъ: «Каковъ и этотъ Исправникъ; взялъ подписку и солдатъ поставилъ!»—«Ничего», говорила я. Послѣ сегодняшняго разбоя, тихонько стоявшіе солдаты возлѣ нашихъ комнатъ не должны уже пугать насъ. Тутъ увѣряли, что завтра пустятъ, а что дѣлалъ Рыжковъ, скрывая, куда везетъ для большаго истязанія. Успокоимся и уляжемся». Уставъ до изнеможенія, заснули, спали хорошо, но къ утру я не могла повернуться: всѣ кости мои были изломаны!—будто я была истерта какой-нибудь машиной! Въ 7 часовъ Коля уже захотѣлъ кушать, сутки ничего не ѣвши, ибо мы не успѣли и чаю напиться до нашествія. Первая мысль была потребовать отъ хозяй-

ки, не имѣя при себѣ ни копѣйки денегъ. Но хозяйка отказала. Тогда я посылала солдата къ Исправнику занять рубль, но солдатъ не пошелъ. Надо было ожидать пріѣзда сына, но все могло случиться—и онъ могъ запоздать, голодъ не свой братъ! Страшась сына измучить голодомъ, придумывала, что дѣлать. Потребовала лоскутокъ бумаги, и той не достали. Тогда, взявъ обертку газетную, я написала аптекарю дать на 20 коп. седативы и занять мнѣ рубль сер. Чрезъ 10 минутъ сынъ возвратился переконфуженный, блѣдный, разстроенный, бросилъ записку и разсказалъ, что и этотъ отказалъ! – «Вотъ когда узналъ я бѣду безъ денегъ!.. Боже, Боже мой! отчего я не вспомнилъ, отчего не взялъ хоть 10 руб., хоть бы 3 руб.—на случай!»—«Дай записку, припишу нѣсколько словъ, неси къ стряпчему.» Сынъ долго не хотѣлъ идти. «Это тотъ самый Стряпчій, который былъ 7 лѣтъ назадъ.» Но я принудила, и бѣдняжка отправился.—минутъ съ 20 прошло, горько мнѣ было за него, но вдругъ дверь отворилась и я увидѣла брата! Не выразить радости моей! Я оставила брата въ арестѣ у Исправника, и онъ обѣщалъ и его увезти, не говоря куда и за что. Не ожидая видѣть его такъ скоро вырвавшимся изъ рукъ Исправника, я не знала какъ благодарить Бога! Спокойствіе семейства нашего воцарилось. Братъ очень слабъ здоровьемъ, могъ умереть въ рукахъ Рыжкова, а это былъ единственный защитникъ семьи! «Скажи, какъ ты вырвался, и что было съ тобой?»

— Разскажетъ вамъ все Андрей, сынъ вашъ! О, онъ насъ мучилъ, какъ вы уѣхали; меня и управителя заперли въ холодную комнату и поставили 6 человѣкъ сторожей. Въ это время комнаты всѣ были открыты. Всѣ бѣгали по комнатамъ, ключи брошены, шкафы, комоды не заперты. Я ужасался, что будетъ. Часа чрезъ 2 вошелъ къ намъ

Исправникъ. Я началъ выговаривать ему: «Что вы дѣлаете, скажите? Хозяйку вырядили съ солдатами, а меня съ управителемъ заперли. Кто отвѣчать будетъ за воровство и разореніе?» Исправникъ тогда опомнился, велѣлъ волостному печати положить, комнаты запереть, а самъ сѣлъ писать актъ съ сообществомъ своимъ. Хаосъ былъ страшный, разсказывалъ братъ. Одни сочиняютъ актъ, другіе съ волостнымъ ищутъ печати, сургуча. Прибѣжали и ко мнѣ. Сказалъ, что нѣтъ у меня. Послали верховаго и достали. Въ это время объявили мужикамъ, что будетъ опека—и тутъ начался пиръ. Какъ сынъ мой провелъ цѣлую ночь у Предводителя Гана, какъ внесъ онъ послѣднія деньги для избѣжанія опеки и какъ вынудили его росписаться, что принимаетъ всю отвѣтственность на себя за все —разсуждать некогда было. Онъ росписался, чтобы освободить васъ и летѣть за вами!»

Меня ужасало, что разворовали все въ домѣ и подвели отчаяннаго сына росписаться! — разбоемъ взяли разбоемъ отдали. Братъ увѣрялъ, что нельзя имъ спрятаться отъ отвѣтственности, разсказывалъ, какъ они измучились и летѣли повозкой, какъ сынъ пошелъ къ Помощнику Исправника узнавать, гдѣ я, и какъ онъ, идя по городу, узналъ знакомую походку мальчика, и началъ звать его; но тотъ такъ былъ разстроенъ, что пока не догналъ его, онъ не остановился. Въ это время съ сіяющимъ лицомъ вошелъ Коля съ огромной булкою. «Надо имѣть всегда цѣлковый, узналъ я теперь голодъ!.. слава Богу, дядя меня остановилъ у воротъ его. Повѣрьте, что и онъ бы отказалъ. Вспомните, какъ помогалъ онъ намъ въ арестѣ 7 лѣтъ назадъ!..» Я такъ ослабѣла, что не могла говорить и легла. Спѣшили подать чай, но боль къ сердцу подступила и я въ безпамятствѣ лежала два часа. Позвали доктора, пришелъ сынъ и тутъ привели меня въ чувство. Не

удивлялся докторъ этому обмороку, говорилъ, что мужчинѣ невозможно вынести того, что я перенесла. — Семейство развеселило меня, не позволяло говорить о прошедшемъ и такъ оправили меня къ вечеру. Я повеселѣла, окруженная своими и узнавъ, что съ меня только возьмутъ отвѣты по дѣлу Старицкаго и сейчасъ отпустятъ. Слѣдователь, узнавъ, что я въ постели, былъ у меня на дому и спрашивалъ: не отложу-ли слѣдствія? Но я не соглашалась, обѣщая, больная, разъяснить дѣло!.. Вопросные пункты прислали мнѣ на квартиру и получили сейчасъ отъ меня отвѣты. Захотѣлось мнѣ вечеромъ быть еще на общемъ слѣдствіи въ квартирѣ Исправника;—какъ ни отговаривало меня всё семейство, — но я была съ братомъ и меньшимъ сыномъ Николаемъ; четыре часа состязалась со свидѣтелями и слѣдователемъ, который былъ необыкновенно вѣжливъ и предупредителенъ. Меня всё это удивляло.—Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣла, что дѣло Старицкаго совершенно ясно, свидѣтели очень хорошо всё показали, что Старицкій виноватъ. Одинъ пьяный хозяинъ квартиры нашей, гдѣ я была арестована,—показалъ, что я бранила Старицкаго, да два мужика поддерживали пьянаго хозяина, но тутъ-же показали, что меня никогда не видали!.. Вотъ по такому-то дѣлу измучили, истерзали меня, осмѣлясь брать силою, и подвергли состояніе расхищенію. Съ 6 часовъ вечера до 12 продержали насъ; слѣдователь, сконфуженный разными моими вопросами, пряталъ показанія другихъ, но я требовала, надо было мнѣ показать. Я утѣшалась, какъ легко будетъ на гласномъ судѣ выказать беззаконія въ Константиноградѣ и какъ явно всё выказано въ этомъ дѣлѣ. Старшій сынъ мой хлопоталъ, чтобы докторъ далъ свидѣтельство, осмотрѣвъ знаки насилія на рукахъ моихъ. Уѣздный докторъ не отыскался дома, а

военные доктора сказали, что свидѣтельства дать не могутъ, хотя и видѣли знаки насилія на рукахъ.

Показаніе сына моего Сахновскаго.

— Испуганный роковымъ извѣстіемъ, присланнымъ вами съ нарочнымъ, о нашествіи полиціи, взявшей уже коляску и лошадей и собирающейся ломать двери и окна въ домѣ, чтобы взять васъ, прямо, не заѣзжая домой, лѣтѣлъ въ Татарбранку, не теряя увѣренности въ своемъ соображеніи, что опоздаю пріѣздомъ для спасенія васъ на мѣсто происшествія. Ѣхавши чрезъ Саламаховку уже въ самыя сумерки, убѣдился въ этомъ, не увидавъ въ домѣ свѣчей! Тогда меня какъ варомъ обдало! И каково было мое удивленіе при проѣздѣ чрезъ дворъ видѣть множество празднаго и забавляющагося произведеннымъ казусомъ народа. Всѣ прохаживались патрулями по три и четыре души; въ домѣ же было до десяти душъ, ведущихъ шуточные разговоры; двери всѣ опечатаны были полиціей, кромѣ одной залы, нетопленной. Кругомъ дома народъ!.. На вопросъ мой: кто вы? отвѣчали: сторожа. Вошелъ въ залу и нашелъ убитыхъ горемъ, арестованныхъ Августина Іеронимовича и управителя Свѣтлика, взволнованныхъ до такой степени, что не могъ допроситься о причинѣ происшедшаго казуса, — а также, гдѣ вы и Коля. Августинъ былъ нѣмъ отъ огорченія, — а управитель говорилъ много непонятнаго, какъ въ горячкѣ, мѣшаясь въ соображеніяхъ: какъ смѣли его арестовать. Трогалъ меня только своею заботою о Колѣ и васъ, прося меня спасти васъ. Я вынужденъ былъ, видя ихъ разстройство, спрятать ружье, стоящее у изголовья кровати управителя. Но изъ смѣшаннаго разсказа арестованныхъ узналъ, что завтра-же собираются передать имѣніе Гуцаловскому въ опеку. Представился мнѣ ужасъ прежнихъ лѣтъ при по-

добной пріемкѣ и я рѣшился, во что-бы то ни стало, не допустить до подобной катастрофы. Допросивъ арестованныхъ, что Исправникъ съ членомъ опеки уѣхали къ предводителю Гану, а письмоводитель со свидѣтелями находятся въ деревнѣ, послалъ управителя къ нимъ, просить ихъ къ себѣ, чтобы подробно узнать какъ о казусѣ съ вами, такъ и за что и по какому случаю могутъ брать въ опеку имѣніе, превышающее въ 30 разъ долгъ. Управитель пошелъ, но не одинъ: за нимъ 3 сторожа! Хорошо положеніе было вашего имѣнія и всего имущества! Возвратившись, разогорченный, что ходилъ съ конвоемъ, объявилъ, что всѣ уже раздѣлись, извиняются, что не могутъ прійдти! Тогда я отправился самъ къ нимъ, поблагодаривъ свидѣтелей за допущенный ими скандалъ, отнесся къ письмоводителю о сообщеніи причины взятія имѣнія въ опеку, но онъ уклонился мнѣ объяснить, говоря, что всѣ бумаги у Исправника и что я могу завтра все подробно узнать. Растревоженный до нельзя, я рѣшился ѣхать къ Исправнику; но такъ какъ мои лошади устали, то хотѣлъ запречь другихъ изъ вашихъ. Мнѣ объявили, что лошади подъ замкомъ. Волей неволей пришлось опять ѣхать тѣми-же, замученными. Пріѣхавъ къ предводителю, я вызвалъ Исправника, которому сказалъ: «Не время теперь и не мѣсто разспрашивать васъ, отчего произведенъ скандалъ въ домѣ матери моей и какъ могли приступить съ насиліемъ къ ней для отправки въ Константиноградъ къ отвѣтамъ по кляузному дѣлу Старицкаго. Но я пріѣхалъ узнать, что за причина ареста Авг. Іерон. и управителя и того осаднаго положенія, которое нашелъ я въ имѣніи матери». «Пожалуйте въ кабинетъ къ Предводителю», сказалъ Исправникъ—и тутъ-то исправникъ мялся, разсказывая положеніе этого дѣла и представляя правоту свою, а предводитель-же, сознавая

свойство между собою и вами, приписывалъ враждебность въ дѣйствіяхъ Испранника. Я на таковое ихъ разсужденіе не давалъ никакого отвѣта, но требовалъ показать причину ареста, насилія надъ вами и пріемки имѣнія въ опеку. Мнѣ предъявили дѣло объ уплатѣ въ сохранную казну и указъ о взятіи имѣнія въ опеку. Тогда, разъяснивъ, что имѣніе стоитъ болѣе 50 тысячъ, а долгу осталось 800 рублей, я объявилъ, что имѣется денегъ 770 р. и 130 руб. оброка на крестьянахъ, по сему могутъ опеки не назначать. Пошли разсужденія, можно-ли принять деньги и пріостановить со сдачею въ опеку; по мнѣнію Предводителя и Исправника должно, а члена опеки—нельзя, но первое взяло верхъ. Тогда я написалъ отзывъ съ представленіемъ 770 р. 22 к., чтобы снять немедленно осадное положеніе и освободить арестованныхъ. Потребовали отъ меня подписки, что я принимаю все на свою отвѣтственность до пріѣзда вашего, или особаго вашего распоряженія. Я, не разсуждая ни о чемъ, далъ какую имъ угодно подписку и, получивъ отъ нихъ росписку въ полученіи ими отъ меня денегъ и, кромѣ того, предписаніе старшинѣ о снятіи осаднаго положенія, уѣхалъ. Привезши предписаніе старшинѣ, имѣлъ случай видѣть неудовольствіе свидѣтелей о несостоявшейся потѣхѣ. По освобожденіи арестованныхъ и возстановленіи нѣкотораго порядка въ домѣ, запрягли намъ лошадей и спѣшили къ вамъ въ Констант., узнать объ участи вашей и, не жалѣя лошадей, мчались, какъ оглашенные, зная, что у васъ нѣтъ ни копѣйки денегъ и допустятъ васъ до голода! Не зная, какъ вы доѣхали, мнѣ представлялось Богъ знаетъ что! и по мѣрѣ приближенія, все болѣе и болѣе терзали меня тревожныя мысли. Доѣхавши, я поспѣшилъ къ Помощнику Исправника узнать хотя что-нибудь о васъ, а Августинъ пошелъ купить хлѣба и оты-

скать васъ. Помощникъ исправника ужаснулся подобной моей вѣсти и вѣрить не хотѣлъ о возможности совершившагося скандала, увѣрялъ меня, что онъ ничего не знаетъ; но по просьбѣ моей послалъ узнать верхомъ кучера по городу. Когда-же тотъ вернулся, объявивъ, что вы у Бочаровой, я побѣжалъ къ вамъ и по дорогѣ встрѣтился съ Колей, который бросился ко мнѣ на шею отъ радости!.. Увидавъ васъ въ постели со знаками насилія, я окончательно изнемогъ, сдѣлавъ 150 верстъ, измучился! А спасти васъ отъ страданій—не спасъ!

Нашествіе Исправника было въ 1868 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Въ омутѣ былъ Новомосковскъ, въ омутѣ Константиноградъ; въ болѣзненномъ состояніи была страдалица Гладкая—опять пришлось ей жаловаться, протестовать! Гдѣ брались силы!.. Поддерживалъ Господь, на удивленіе свѣту, на поддержаніе евангельскихъ словъ, что одинъ праведный можетъ идти противъ сотни неправыхъ! Вѣра крѣпитъ, вѣра живитъ, вѣра переноситъ горы съ мѣста на мѣсто!.. Враги ожидали смерти ея отъ этого нашествія! Предупреждалъ ихъ докторъ, писалъ нѣсколько разъ Становой, что она не можетъ выдержать приступа силы; но это увеличило лишь желаніе враговъ приступить къ насилію и доканать Гладкую, которая не переставала доказывать ихъ преступленія!..

Имъ непремѣнно хотѣлось покончить съ нею и, какъ увидите далѣе, дружныя дѣйствія враговъ выражались все грознѣе ежечасно и, наконецъ, шли crescendo! Съ 1866 года какая-то грусть и тоска начала по временамъ одолѣвать Гладкую, какъ ни старается она преодолѣть себя. И вотъ предчувствіе оправдывается: въ 1866 году умираетъ мать ея, въ 1867 году убиваютъ во дворѣ ея

сторожа, въ 1868 г. берутъ 100 человѣкъ понятыхъ, окружаютъ домъ ея и силою везутъ ее, не говоря куда, объявляя, что исправнику одному это извѣстно! Много претерпѣла, а впереди предстояло еще болѣе!

Не смотря ни на что, она еще бодра. Хозяйство идетъ плохо!.. Дѣла прежнія не кончаются, а новыя начинаются. Женщина осторожная, живетъ сдержанно, и по сему не нуждается въ деньгахъ и можетъ самостоятельно располагать своими дѣйствіями. Прошла съ горемъ пополамъ зима, наступила весна, восхитительная въ Малороссіи! Повсемѣстная дѣятельность началась въ деревняхъ и у нея зашевелилось. Все это разсѣяло ее и оживило! Въ одинъ изъ такихъ прелестныхъ дней Гладкая ѣхала кататься съ семействомъ и осмотрѣть свое хозяйство. Солнце уже было на закатѣ; садясь въ экипажъ, она встрѣтилась съ волостнымъ писаремъ, который, запыхавшись, бѣжалъ къ ней и подавалъ запечатанный пакетъ. Зная, что пріятнаго въ этихъ пакетахъ никогда ничего не было для нея и не желая возвращаться домой давать росписку, она говоритъ писарю: «Принесете завтра пакетъ». Тотъ упорствуетъ. «Казенное дѣло, говоритъ, нельзя ожидать». Гладкая въ досадѣ отвѣчаетъ: «Солнце зашло, казенныя дѣла обождутъ до завтра; знайте, что отъ солнца до солнца можете развозить казенныя дѣла и бумаги, а теперь отдыхайте, да и намъ надо отдохнуть». Нетерпѣливо приказываетъ кучеру ѣхать—и вотъ она въ полѣ. Зеленая травка, овечки, коровки встрѣчаются ей. Пастухи поютъ и играютъ на дудочкахъ—все веселое, покойное идетъ въ деревню отдыхать. Задумчиво смотритъ она на все это, разсуждая: «Какъ весело этимъ пастухамъ, какъ покойны овечки и коровки; одна хозяйка ихъ вѣчно не покойна! Долго-ли это будетъ? Когда дождусь я этихъ гласныхъ судовъ? Когда перемѣнится жизнь моя? Борюсь

одна противъ сотни, тверда какъ камень, какъ желѣзо, но силъ моихъ уже не хватаетъ». Семейство прервало ее задумчивость. Лошади весело бѣжали. «Что это за бумаги», сказалъ сынъ любопытно, «зачѣмъ не взяли, мамаша?» — «Успѣемъ взять и завтра», отвѣчала она.

— А писарь что-то очень торопился подать этотъ пакетъ. Вѣрно что-нибудь знаменательное, прибавилъ сынъ. Но вы, мама, не безпокойтесь. Кажется, не можетъ уже ничего такого тревожнаго быть.

— Я не безпокоюсь, но досадно стало, что онъ такъ дерзко требовалъ принять пакетъ.

— Да вамъ это показалось, душечка, право, онъ не злой человѣкъ. Это его манера такая.

— Нѣтъ, сегодня онъ очень уже расхрабрился, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось. Да Богъ съ нимъ, завтра все узнаемъ. Теперь давайте отдохнемъ, полюбуемся нашими полями, насладимся степнымъ воздухомъ!

Вечеръ былъ восхитительный: луна взошла, звѣзды ярко блестѣли, экипажъ катился, кругомъ поля и все свои, любуйтесь только!.. Гулянье вполнѣ богатое — весною объѣзжать свои поля, видѣть неисчерпаемыя богатства земли, чудные всходы хлѣбовъ, пышныя густыя травы и количество оставшагося запаха въ сѣнѣ, котораго замѣчательно много на степяхъ Гладкой. Все это утѣшаетъ владѣльца. А Гладкой какая-нибудь нужна была поддержка. Кромѣ дѣлъ и преслѣдованій, разоряли часто по имѣніямъ. Не придумаетъ бывало что дѣлать. Посѣять пшеницы невозможно. Мир. посредн. отобьетъ рабочихъ и пшеница высыпется. Скота, овецъ прибавить также страшно: не наймешь пастуховъ — воспрещено было къ Гладкой наниматься, перебивайся какъ хочешь! Нечего дѣлать — перебивались поденщиками, дѣтьми, да какимъ-нибудь пьяницей. Ни разсказать, ни описать невозможно, что́ это

было за времячко! Такъ жилось Гладкой. И вотъ, нагулявшись вдоволь вечеркомъ, возвращается поздно домой; докладываютъ, что писарь ночуетъ у старосты. Видно, бумага серьезная.

На другой день, не успѣло солнышко взойти, писарь съ бумагою уже на крыльцѣ. Ему не дали ожидать долго—любопытство заставило скорѣе взять пакетъ.—«Что? что?» вопрошали всѣ, собравшись около пакета. «Пустое, спокойно отвѣчала Гладкая, зовутъ выслушать рѣшеніе Екат. Угол. Палаты. Смѣшно, право, что писарь такъ торопился вчера!» Писарь, человѣкъ хитренькій, которому кое-что было уже извѣстно, съ ужимками отвѣчалъ: «Приказано было; что-же дѣлать — наше дѣло слушать».

Росписавшись и выпроводивъ писаря, прочитали еще разъ бумагу Новом. Полиціи и не нашли въ ней ничего особеннаго. Зная, что рѣшеніе Угол. Палаты не можетъ быть окончательное, мы и не заботились о немъ.

Подходилъ свѣтлый праздникъ, на страстной недѣлѣ я не захотѣла ѣхать, а какъ ярмарка въ Новомосковскѣ на третій день праздника, то рѣшено было тогда-же выслушать и рѣшеніе, отбывъ ярмарку. Праздники провели дома, не замѣчая ничего, что̀ дѣлалось вокругъ. (Становому было уже предписано стеречь ее и даже взять силою; но тотъ хитрилъ, ожидая ея появленія въ Новомосковскѣ, и отговаривался). Съѣхались родные, вспоминали о писарѣ, о пакетѣ и только удивлялись всѣ, отчего-бы не объявить рѣшеніе на мѣстѣ, а вызывать въ полицію.

Гладкая вовсе не тревожилась, тѣмъ болѣе, что ожидаемые гласные суды открылись въ апрѣлѣ. И громогласныя рѣчи прокуроровъ, печатавшіяся во всѣхъ газетахъ, предрекали покой, справедливость и всѣ блага міра отъ сихъ судовъ!

Изъ новомосковской ярмарки нужно ей было по дѣламъ проѣхать въ Екатеринославъ, и вотъ разсудила она прежде быть въ Екат., а на обратномъ пути въ Новом. выслушать рѣшеніе, а можетъ быть ей объявятъ и въ Екатеринославѣ.

Пріѣхавъ туда, встрѣтилась съ однимъ знакомымъ. Тотъ разговорился о дѣлахъ, долго, но осторожно разспрашивалъ, но видя безбоязненность Гладкой и увѣренность, что при открытіи гласности дѣла ея выиграны, онъ рѣшился объявить слухи, которые прошли, будто какую-то Гладкую съ семействомъ заключили на годъ въ тюрьму.

— О, отвѣчала смѣясь Гладкая, они рады-бы были это сдѣлать, но дѣла мои правы, идутъ по Высочайшему повелѣнію, и Екат. власти ничего не подѣлаютъ! Вотъ я такъ могу беззаконниковъ засадить въ тюрьму, пускай только возьмутся гласные суды за мое дѣло!

По глазамъ этого добраго человѣка видно было, что онъ не вѣритъ въ надежду Гладкой и удивляется ея восторгу, но, къ счастью или несчастью, Гладкую трудно было разувѣрить, что правый можетъ остаться виноватымъ. Замѣтивъ, что спутники ея что-то задумались, она выбрала веселенькую квартиру и превеселую хозяйку, которая много разсказывала имъ о новыхъ судахъ. Да и во всемъ городѣ изъ устъ въ уста переходили только новости и разсказы объ этихъ судахъ. Все ожило въ глуши Екатеринославля. Выйдя на улицу, не встрѣтишь ни одного лица задумчиваго; глаза блестятъ у всякаго. Посему и Гладкая съ семействомъ была всю недѣлю въ такомъ настроеніи.

Тревожило ее только то, что не могла нигдѣ найдти своихъ старыхъ дѣлъ. Во всѣхъ присутствіяхъ была—

вездѣ отвѣчали незнаніемъ и посылали изъ одного мѣста въ другое.

Предпринимаетъ она въ одинъ день быть вездѣ по начальству и добиться истины. Но тутъ также неудачи — однихъ дома не застаетъ, другіе на дому не принимаютъ. Такъ проходитъ еще день. Перечитываетъ она положеніе 1865—1869 года мнѣнія Государственнаго Совѣта.

«Куда-же дѣвались мои дѣла? разсуждаетъ она; неужели прекратились? Такъ нѣтъ, не можетъ быть. Такія громкія дѣла, идущія по Высочайшему повелѣнію, не могли прекратиться. Я знаю, что ничего подобнаго нельзя съ моими дѣлами сдѣлать!... «Не узнавъ ничего въ старыхъ присутственныхъ мѣстахъ, отправляется она въ новый гласный судъ и тамъ думаетъ узнать, куда дѣлись всѣ старыя дѣла. Съ особеннымъ удовольствіемъ отправилась она туда. Большая улица г. Екат., которую она нѣсколько лѣтъ назадъ проѣзжала или горько плача, или съ отчаяніемъ глядя на небо, прося твердости духа при хожденіи изъ присутствія въ присутствіе, большая эта улица, напоминающая ей столько горя, казалась теперь чѣмъ-то необыкновенно веселымъ! Не шла, а летѣла по ней Гладкая, будто кто на крыльяхъ несъ ее на эту гору, и представлялось ей, что дѣла ея уже выиграны въ этихъ новыхъ правдивыхъ гласныхъ судахъ. Короче сказать, не описать того, что́ чувствовала она: бодрость, молодость, веселость! На самой вершинѣ горы устроивался судъ—въ домѣ Рейха, хотя домъ былъ не оконченъ. Домъ узенькій, малый—вотъ тутъ нашла она сотни душъ, искавшихъ, какъ она, свои дѣла. Также были всѣ перетревожены, не зная гдѣ отыскать, а допроситься трудно было—все суетилось, бѣгало и только! Наконецъ, попался имъ чиновникъ, приступили дружно распрашивать и узнали, что уголовныя дѣла переданы въ архивъ,

а гражданскія находятся въ судѣ. Прокурора хотѣла видѣть, у котораго намѣревалась разспросить, какъ ея, Гладкой, дѣла могли попасть въ архивъ; но это было не легко въ Екатеринославѣ. Страдальцы переговаривали другъ съ другомъ, дѣлились горемъ, охали и твердили съ ужасомъ: «Какъ это уголовныя дѣла могутъ перейти въ архивъ?..» Гладкая этого также не могла понять, но утѣшала охающихъ: «Что вы задумались? Вытащимъ изъ архива; вытащимъ, будемъ дѣйствовать. Гласность на то—дайте только все положеніе о гласности узнать». Другихъ утѣшала, а сама суетилась страшно, потому что переходное состояніе этихъ судовъ было непонятно для многихъ.

Гражданскія дѣла обѣщали было дать просмотрѣть. Это ее очень обрадовало. «Теперь-то откроются мнѣ всѣ тайны», и три дня сидѣла, разсматривая гражданскіе иски свои въ 150 тысячъ, поданные на опекуновъ, хотя тутъ-же узнала, что Гражд. Палата, отдавшая подъ судъ и слѣдствіе ея опекуновъ Алексѣя Гана и Саламаху, защитила ихъ, а Гладкой въ искѣ отказала. Но, просмотрѣвъ все дѣло, видѣла, какъ рѣшила дѣло Гр. Пал., не вызвавъ Гладкую и скрывъ слѣдствіе Пашкевича объ этихъ опекунахъ. Надѣялась все это доказать — и была покойна и даже весела. Слѣдующій день назначенъ былъ ловить часы для свиданія съ прокуроромъ, и это едва удалось. Описавъ прокурору положеніе свое и враждебныя дѣйствія исправн. Рыжкова, Гладкая просила прокурора объявить ей рѣшеніе Угол. Палаты въ Екатеринославѣ. Прокуроръ отговаривался, что Уголовн. Палаты закрыты, дѣла уже отправлены въ архивъ. Гладкая объявила также прокурору, что Уголовная Палата никогда ее не вызывала и она совершенно не знаетъ даже, какія дѣла о ней въ Палатѣ производились. Но это не удивило

прокурора, и онъ сказалъ, что въ Новомосковскѣ только можно выслушать рѣшеніе! Пошли еще въ Уголовн. Палату, чтобы видѣться съ Предсѣдателемъ, — тотъ позволилъ дать выписку, по которой едва можно было понять, какія дѣла разсматривались въ Угол. Палатѣ въ 1867 г. 10 января, какія окончились, а какія нѣтъ. Это было любопытно потому, что Гладкой вовсе неизвѣстно было, какія изъ дѣлъ ея переданы въ Угол. Палату, и никто ее ни по одному дѣлу туда не вызывалъ. Долго секретарь не хотѣлъ давать выписки, но Товарищъ Предсѣдателя настоялъ, и вотъ Гладкая ждетъ два часа весело, безпечно, ничего не предчувствуя. Было чѣмъ развлечься! Суета страшная какъ въ Гражд. Палатѣ, такъ и въ Уголовной. «Пришелъ вамъ конецъ», приговариваетъ она и тѣшится съ другими просителями! «Ахъ, слава Богу, слава Богу!»

Чиновники, всѣ спокойные, гордые прежде, теперь суетятся, отчаянно толкаютъ другъ друга. Мрачныя лица ихъ показываютъ, что время произвола прошло, мѣста потеряли и еще боятся отвѣтственности. Бѣготня продолжается. Секретарь и Помощникъ его десятки разъ пробѣгаютъ мимо, а выписки все не выдаютъ. Въ это время входитъ Алексѣй Ганъ. Увидавъ Гладкую, покраснѣлъ, смѣшался, уронилъ палку свою, споткнулся на нее и упалъ возлѣ ногъ ея! Она не пожалѣла его. Это первый истязатель ея и упалъ-то вѣрно оттого, что еслибы Гладкая узнала о рѣшеніи Угол. Палаты, то могла-бы не явиться въ Новомосковскъ и уйдти отъ грозившаго ей заточенія. Посмѣялась, что Ганъ очень низко ей поклонился, прося прощенія за грѣхи свои, и ожидала выписки.

Въ это время солдаты вынимали изъ шкафовъ огромные тюки съ дѣлами, отдавали другимъ солдатамъ, которые вбивали по десяти тюковъ вмѣстѣ въ мѣшокъ, за-

шивали и увязывали потомъ въ доски. Потомъ, изъ сосѣдней комнаты показался еще одинъ солдатъ, тащившій огромный мѣшокъ, кинулъ съ плечъ своихъ на полъ, отеръ потъ со лба и воскликнулъ: «Боже! что̀ это такое, долго-ли буду я съ нимъ таскаться!« Товарищи его улыбнулись и отвѣчали: «Пока прикажутъ—это наше дѣло». «А поди-ка ты, отвѣчалъ тотъ разсердившись, велѣли нести въ Архивъ, куда-же мнѣ справиться съ нимъ», отчаянно вопилъ онъ. А солдатъ высокій, здоровый. Гладкая засмѣялась и спрашиваетъ: «И мѣшки въ архивъ? Скажите, что̀ тамъ такое?» — «Ворованныя вещи, матушка», отвѣчали солдаты и обратились къ товарищу съ вопросомъ, есть-ли у него опись вещамъ, приговаривая: «Помни, что ты будешь отвѣчать; на тебѣ все это запишутъ!»—Нѣтъ описи, нѣтъ, воскликнулъ отчаянно солдатъ, схватилъ себя за голову и побѣжалъ какъ оглашенный въ присутствіе. Тогда только съ нимъ вышелъ какой-то чиновникъ, рыжій, съ краснымъ лицемъ, и началъ пересматривать вещи, высыпанныя солдатомъ на полъ. Глазамъ нашимъ представилось—ломанные замки, топоры въ крови, ключи разныхъ сортовъ — и ужасъ объялъ всѣхъ. «Вѣдь это все отнято отъ преступниковъ, разсуждали присутствовавшіе. Сколько душъ лишили жизни этими инструментами, и много-ли Палата открыла преступниковъ при этихъ вещественныхъ доказательствахъ разбоя и воровства, которыя заржавѣли, такъ долго пролежавъ въ Угол. Палатѣ. Кому они принадлежали, у кого они отняты, въ какомъ количествѣ? Никто не знаетъ и знать не хочетъ».—«Передаютъ въ Архивъ безъ описи—славный порядокъ», сказала Гладкая.

Въ это время чиновникъ окончилъ опись и счетъ вещамъ, сдалъ все солдату, но тотъ теперь началъ спорить: не хочу нести, надорвусь. Чѣмъ кончился споръ,

неизвѣстно, потому что Гладкая получила выписку и поспѣшила удалиться! Кратко было показано: такія то дѣла окончены — всѣхъ 10 дѣлъ разсматривали 10-го января 1869 года. Удивляясь, отчего не вызвали ее ни по одному, все въ томъ-же веселомъ расположеніи духа спускалась по лѣстницѣ и твердила одно: «Конецъ, конецъ старымъ судамъ. Что́ они выдѣлывали! Новая жизнь начнется; при новыхъ судахъ будемъ прославлять Бога и Государя!»

Подавъ на другой день новому Прокурору докладную записку обо всѣхъ беззаконныхъ поступкахъ Исправника Рыжкова въ ноябрѣ мѣсяцѣ съ сотнею понятыхъ, я полагала, что ему не сдобровать. Прокуроръ обѣщалъ разсмотрѣть это дѣло.

Проживъ еще денекъ въ Екатерин. и окончивъ всѣ дѣла, бодро и безпечно, послѣ увѣреній Прокурора, отправилась въ Новомосковскъ. Пріѣхали очень поздно въ знакомую квартиру, легли спать спокойно и проснулись весело. Николай занимался очень прилежно въ Екатерин., приготовляясь къ экзамену. Этимъ онъ поддерживалъ духъ бодрости въ матери. Когда-же она съ братомъ собралась въ 9 час. идти слушать рѣшеніе Ек. Уг. Палаты, то онъ, подошедъ къ матери, блѣдный, сказалъ: «Я что-то неспокоенъ и чего-то боюсь, какъ-бы не случилось съ вами какой-нибудь катастрофы при объявленіи рѣшенія.» — «Богъ съ тобою, возможно-ли! Развѣ Угол. Палата — послѣдняя инстанція для такихъ дѣлъ, какъ наши. Помни, что они идутъ по Высочайшему повелѣнію. Какъ-бы ни рѣшила Уголовн. Палата—намъ не страшно!.. Правит. Сенатъ будетъ разсматривать, а факты правоты нашей— въ дѣлѣ!»

Успокоивъ сына, спѣшила идти и на этотъ разъ предчувствіе ей не было дано... Вошла она съ братомъ въ Полицейское Управленіе, равнодушно просила объявить

ей рѣшеніе Уг. Палаты. Радость вскочившаго со стула Секретаря, черезъ-чуръ ужъ вѣжливо ихъ принимавшаго, также не испугала ихъ, не дала почувствовать, что надо отъ нихъ бѣжать и укрываться!.. «Никого нѣтъ», сказалъ Секретарь, подставляя стулъ, просилъ обождать, говоря, что сейчасъ всѣ придутъ. «Квартира моя недалеко», отвѣчала Гладкая, «прійду черезъ часъ», и сама спѣшила возвратиться къ сыну. Тотъ, узнавъ въ чемъ дѣло, задумался опять!.. Въ это время много знакомыхъ входили и выходили со двора, гдѣ стояла Гладкая: заглядывали въ окна даже, и все суетилось возлѣ ихъ квартиры. Гладкая была спокойна. Все было уложено ѣхать домой. О, еслибъ она знала, что̀ ожидаетъ ее!

Ровно въ 10 часовъ опять пошла она съ братомъ въ Полицію. Сынъ уныло посмотрѣлъ на нихъ и молча сѣлъ писать свои уроки. Сердце его ныло, тоска душила. Вошли въ Полицію. Народу было много, но начальство еще не явилось — ни Рыжкова, ни Помощника не было. Просидѣвъ полчаса и не дождавшись никого, Гладкой стало досадно! «Что-же, сказала она секретарю, когда-же соберется ваше начальство? половина одиннадцатаго уже, пора-бы имъ явиться. Намъ некогда ожидать, надо ѣхать. У всякаго свои дѣла». Ей отвѣчали очень вѣжливо: Сейчасъ, сейчасъ, сію секунду!» Что̀ они при этомъ думали?

Прошло еще четверть часа, вошелъ Помощникъ Исправника, очень блѣдный, невеселый, поклонился намъ и сѣлъ молча. Чрезъ 10 минутъ вошелъ и Рыжковъ. Я старалась не смотрѣть на его лице, не встала и не кланялась, ожидая прочтенія указа, но равнодушно, не думая ни о чемъ.

Но какъ только дверь присутствія отворилась—глаза прозрѣли. Солдаты уже стояли у дверей, по 4 человѣка съ каждой стороны. Дрожащимъ голосомъ читалъ секре-

тарь краткую выписку изъ рѣшенія Угол. Палаты—и Рыжковъ тутъ-же объявилъ Гладкой, что поведетъ ее въ тюрьму! Вотъ что пишетъ она въ своемъ журналѣ:

«Желала-бы я разсказать свѣту какія чувства овладѣли мною; какъ загорѣлась кровь во всѣхъ жилахъ. Постараюсь, но это трудно, не только трудно, но и не возможно! Сначала я не повѣрила словамъ Рыжкова; но онъ смотрѣлъ на меня такъ злобно, такъ радостно, какъ кошка на мышь, которая уже поймана, въ зубахъ у нея и остается только задушить ее!

«Кругомъ столько было людей, головы которыхъ виднѣлись изъ-за солдатъ, стоявшихъ съ распростертыми руками у дверей присутствія, что мнѣ понятна стала западня!.. Я почувствовала, что не выдержу пораженія, видѣла уже всѣ горькія послѣдствія для моего семейства — и мгновенно духъ мой воспарилъ ко Всевышнему. Я мысленно вымолвила: «Господи, укрѣпи! хотятъ убить — не допусти!..» И въ тотъ-же моментъ почувствовала необыкновенную силу, начала энергично защищаться, указывать на законы, требовать Стряпчаго и вопить, что дѣла идутъ по Высочайшему повелѣнію. Уголовная Палата не могла ихъ окончить безапеляціонно! Суета сдѣлалась общая; стали носить томы законовъ, рылись, искали и, наконецъ, исполнили требованіе мое: вызвали Стряпчаго. Обратясь къ нему, я начала просить указать законы, что по Высочайшему повелѣнію дѣла не могутъ кончаться безапелляціонно въ Уголовн. Палатѣ. Стряпчій показалъ ст. и толковалъ также, какъ я, упирая еще на то, что отъ Губернскаго Правленія также нѣтъ еще указа; посему нечего спѣшить и невозможно исполнить рѣшеніе Уг. Пал. Сильный споръ завязался между Стряпчимъ и Исправникомъ. Помощн. Испр., Засѣдатель и Секретарь находились тутъ-же. Исправникъ съ Секретаремъ

продолжали рыться въ законахъ, а на слова Стряпчаго Исправн. отвѣчалъ: «Не надо указа Губ. Правленія—мы всегда такъ поступаемъ». Когда-же я замѣтила, что буду жаловаться и онъ будетъ отвѣчать, то безбоязненно при всѣхъ отвѣтилъ: «Еслибы намъ бояться отвѣта за такія дѣла, то волосъ-бы не осталось на головѣ!» Стряпчій еще останавливалъ его и указывалъ на законы, но все было тщетно!.. Исправникъ ждалъ съ нетерпѣніемъ минуты, когда увидитъ меня въ тюрьмѣ. Синебагровое лице его, зеленые глаза, какъ у ....., впились въ существо мое и слѣдили за каждымъ движеніемъ. Казалось, онъ боялся, чтобы не вылетѣла я, какъ муха, изъ Присутствія!.. Я-же, видя свое безвыходное положеніе въ Новомосковскѣ предъ тѣми, которые собрались проглотить меня, возносилась только мыслями къ Всевышнему, прося его защиты. Въ это время взоръ мой упалъ на брата, ужасъ меня объялъ. Сначала онъ также спорилъ, законы показывалъ, пугалъ отвѣтственностью, но увидя, что все безуспѣшно, стоялъ блѣденъ и нѣмъ, какъ истуканъ. Тогда я вспомнила, что-же будетъ съ Колей, сыномъ моимъ, котораго предчувствіе не обмануло!.. Несчастное дитя! отъ рожденія не знаетъ покоя и выдержитъ-ли онъ этотъ новый ударъ! Скрѣпя сердце, старалась спокойнымъ голосомъ сказать брату: «Иди, приготовь дитя. Пожалуйста, старайся не испугать его, береги». Ни слова не отвѣтивъ, удалился убитый горемъ братъ изъ Присутствія; зная его болѣзненность, я должна была тревожиться одинаково и за него, какъ за Колю.

«Оставшись сама, я стала еще бодрѣе—ужасно хотѣлось мнѣ показать недругамъ своимъ, что я не поражена, что я сильна и буду сильна. Какое трудное положеніе! Какая ужасная роль! Исправникъ, вперивъ въ меня свои очи, когда я разсказывала, что буду дѣлать,

какъ буду жаловаться, какая отвѣтственность предстоитъ беззаконникамъ за всѣ ихъ дѣйствія, прибавляя, что враги мои подготовили все это и думаютъ, что я не выдержу разбоя—пускай-же не радуются. Богъ не попуститъ убить! Выдержала-же я нашествіе Исправн. въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда разбилъ онъ въ моемъ домѣ трое дверей и бросился на меня съ солдатами, которые схватили меня и ломали руки! ха, ха, ха! Послѣ сего могу и это выдержать!.. Разгорячившись, въ экстазѣ встаю и подхожу къ сидящему передъ Зерцаломъ Исправн., смотрю пристально ему въ глаза и спрашиваю: «Какъ вы думаете, г. Исправникъ!» Исправникъ, потупивъ очи, отвѣчалъ: «Да! да! никогда я не ожидалъ, чтобы вы выдержали». «А! сказала я, такъ вы дѣйствовали съ убѣжденіемъ этимъ, ха, ха, ха! Хорошо офиціальное лице: въ присутствіи сознается самъ, что ожидалъ моей смерти, когда неистовствовалъ въ моемъ домѣ». Трагедія была такая, что никто не опомнился—и никто уже и не думалъ, что находимся въ Присутствіи — Такъ знайте-же, знайте, говорила я, ударяя по столу—выдержу и теперь. Всѣ вы отправитесь на судъ къ Предвѣчному раньше меня! Я всѣхъ васъ переживу!» Поблѣднѣлъ Исправникъ—мои слова и бодрость поразили его! Но въ это время вошелъ братъ и привелъ сына. Заныло сердце мое, увидавъ испуганное дитя. «Soyez prudent, ne craignez rien! c'est la première chause. Priez Dieu et voilà tout!» Къ брату-же обратилась съ сими словами: «Намъ надо послать въ Екатеринославъ протестъ Прокурору; онъ намъ объяснялъ самъ, что на рѣшеніе Угол. Палаты можемъ жаловаться въ Сенатъ». Сѣвъ возлѣ секретарскаго стола, писала уже протестъ. Чрезъ 10 минутъ, не болѣе, протестъ былъ готовъ и братъ унесъ, чтобы послать съ эстафетою въ губерн. городъ, а самому послѣ того зайдти къ Мировому Судьѣ

заявить о беззаконныхъ распоряженіяхъ Исправника, осмѣлившагося объявлять мнѣ указъ Угол. Палаты, окруживъ впередъ солдатами и безъ бумаги Губернскаго Правленія, собиравшагося вести меня въ тюрьму, не выждавъ срока, положеннато закономъ въ моментъ объявленія рѣшенія!.. Растерянный братъ, еле живой, взялъ бумагу и ушелъ, а мнѣ поднесли росписаться, что я слушала рѣшеніе. Я не соглашалась, требовала копіи рѣшенія — не давали. Я отказывалась иначе росписаться... суетились, бѣгали изъ угла въ уголъ, переговаривались другъ съ другомъ и, наконецъ, сдѣлали копію. Къ этому времени возвратился и братъ — я дала требуемую подписку... Эстафета была послана, почтовая росписка Исправнику показана. Но Исправникъ ожидать отвѣта не захотѣлъ, боясь, что если Прокуроръ защититъ, то не состоится приготовленное для меня истязаніе!.. Спѣшилъ какъ можно скорѣе вести меня въ тюрьму. Мировой Судья сказалъ, что ничего не можетъ сдѣлать — и благоразуміе требовало собраться съ духомъ и выдержать невинной то, чего съ виновной не могли-бы сдѣлать безъ разрѣшенія Сената. Рыжковъ торжествовалъ! всталъ, раскланялся театрально передо мною. Страшные, яростные глаза его сверкали отъ радости. Онъ указалъ мнѣ на дверь и солдатъ. Твердою поступью подошла я къ сыну, блѣдному какъ смерть, взяла его за руку и сказала: «Пойдемъ, душа моя — беззаконіями насъ не испугаютъ». Еще новые поклоны Исправника съ предложеніемъ, что экипажъ готовъ, были отвергнуты мною съ презрѣніемъ. «Нѣтъ, отвѣчала я, невиннымъ арестантамъ приличнѣе и веселѣе идти пѣшкомъ между народомъ. Не надо намъ вашихъ экипажей, когда вы все отняли у насъ!» И бодро выйдя въ другую комнату, едва протиснулась въ толпѣ, такъ много было любопытныхъ. Солдаты, окруживъ насъ, хотѣли взять подъ

руки, но сочувствіе толпы не допустило солдатъ приблизиться къ намъ-страдальцамъ, и до самой тюрьмы провожало насъ душъ 200 народа.

«Шествіе было поразительное! Вмѣсто меня одной, вели троихъ—цѣлое семейство! Толпа на улицѣ съ каждымъ шагомъ прибавлялась; всѣ окна сосѣднихъ домовъ были открыты и въ каждомъ изъ нихъ виднѣлись десятки головъ; возлѣ насъ, не вдалекѣ, ѣхали дрожки, запряженныя парою хорошихъ сѣрыхъ лошадей—на нихъ сидѣлъ знакомый намъ Частный Приставъ Мачуговскій—не сердечный человѣкъ—десятокъ верховыхъ провожали по бокамъ, а позади еще шли пѣшіе солдаты!.. Я оглянулась, искала глазами Рыжкова, хотѣлось еще съ нимъ поговорить на улицѣ, въ толпѣ. Но онъ догадался и остался, увѣренный, что жертва уже не уйдетъ!.. и, конечно, спѣшилъ передать радость соучастникамъ своего преступленія.

«Отъ Суда до тюрьмы разстояніе версты полторы, дорога—сыпучій песокъ. Прошли мы улицу; каждое окно отворялось, новыя головы показывались. «А что, Мачуговскій, обратилась я къ нему, бывая у незабвеннаго отца моего, думали-ли вы, что придется вамъ провожать меня, дочь его, въ тюрьму?» — Что дѣлать, А. Н., отвѣчалъ Мачуговскій; теперь ужь такое время настало — всѣмъ намъ того надо ожидать! «Какъ! что вы?» воскликнула я: при гласности?» —Да, такъ, отвѣчалъ онъ; это не новость! — «Полноте говорить, Мачуговскій; невиннаго теперь уже не поведете... Прошли ваши времена, довольно беззаконничали!..» Мачуговскій замолчалъ и я также.

«Песокъ дѣлался все глубже и глубже, а мнѣ казалось такъ легко идти, какъ по паркету, и такъ близко оставалось къ острогу, что я не опомнилась, какъ это

мы такъ скоро прошли. Морозъ пробѣжалъ по тѣлу, по всѣмъ жиламъ моимъ при видѣ острога. Укрѣпивъ себя взоромъ на Небо, я посмотрѣла на Колю и брата: на лицахъ ихъ выражалось полное отчаяніе!.. «Не пугайте меня, господа, своимъ отчаяніемъ, молитесь и подкрѣпляйте меня! Серьезно вамъ это говорю: мало-ли съ нами бѣдъ было — выдержали, ну, такъ чего унывать — выдержимъ и эту новую бѣду! При томъ помните и о гласности, надѣйтесь на нее! Рыжкову теперь нельзя ничего болѣе съ нами сдѣлать». Коля началъ утѣшать: «Мы вмѣстѣ, душечка, съ вами будемъ сидѣть, а дядя съ братомъ будутъ разсылать телеграммы—эстафеты. Такъ, мамаша, неправда-ли? Что вамъ показалось, что мы отчаялись, успокойтесь: мы стараемся не очень тревожиться!» Страданія мои были невыносимы — думаю, что отражались сильно на лицѣ моемъ. Коля и братъ безпрестанно всматривались въ меня.

«Острогъ все приближался — и вотъ, вотъ уже нѣсколько шаговъ остается!.. Глаза мои поднялись къ небу. «Допустилъ-же Ты, Господи, меня за правду пострадать! Думала-ли я когда-нибудь дождаться, послѣ всѣхъ истязаній, еще тюрьмы! Услышь-же вопль мой! О, Господи, порази беззаконниковъ! Я теряю уже всѣ силы — спасай теперь Самъ семью мою!» Ужасная дверь заскрипѣла и отворилась, насъ ввели въ ограду. Толпы сочувственной не стало... Я одна, когда-бъ одна! Семью тащу за собою! Не помню ужь, какъ ввели меня въ контору, кто былъ тутъ, кто встрѣчалъ насъ. Такъ было съ полчаса. Коля разсказывалъ, что онъ чуть не умеръ отъ страха, когда я, окаменѣлая, сидѣла на диванѣ, лишась чувствъ и мертвенными глазами смотрѣла на всѣхъ. Холодной водой бросились мочить мнѣ голову братъ и Коля и едва привели въ чувство. Коля бросился на шею, цѣловалъ. «Не пу-

гайте меня, мамаша, заговорите! Что съ вами, что съ вами?» Когда я опомнилась, уже ни кого не было, кромѣ насъ, мнѣ стало легче!..

«Контора состояла изъ комнаты въ 4 квадр. сажени и еще одна маленькая для надзирателя—не такая страшная, какъ тюрьма—стояла противъ главнаго зданія. Невольно смотрѣла я въ окна на страшилище-замокъ; замѣчала, что и Коля бѣдный занятъ тѣмъ же. Изъ-за рѣшетокъ этого замка многіе смотрѣли на контору, зная, что привели новыхъ товарищей. Вошелъ смотритель, посмотрѣлъ на меня и спросилъ, не нужно-ли мнѣ доктора? Я здорова—не нужно», проговорила я отрывисто и опять къ окну. Онъ старался разговориться, познакомиться, успокоить, войти въ довѣренность, но какъ только проговорился, что онъ родственникъ Становаго Гуцаловскаго, такъ вся моя довѣренность къ нему исчезла. «Одного поля ягода, подумала я. Теперь надо остерегаться и въ пищѣ, и въ водѣ. Поддадутъ сразу — и концы въ воду!.. Скажутъ—умерла отъ старости, отъ отчаянія —и всѣ правы будутъ. О, надо остерегаться! Не буду-же я ничего ѣсть, пока самъ братъ не принесетъ! Весь день смотритель суетился, бѣгалъ то въ замокъ, то въ контору. Къ нему являлись разныя лица за приказаніями. Все это казалось намъ новымъ, страннымъ. Страшно! До вечера мы пробыли въ конторѣ, приготовлялись и собирались съ духомъ. Мечтали, какъ войдемъ мы въ этотъ страшный острогъ, изъ котораго цѣлый-цѣлый день выбѣгаютъ страшныя лица въ кандалахъ. Смотритель продолжалъ ходить то въ острогъ, то къ намъ, въ контору. Убирали нашу комнату, онъ намъ успѣлъ объ этомъ доложить. Когда-же мы спросили не оставитъ-ли онъ насъ въ конторѣ, то онъ, улыбаясь и видя содраганіе наше при одной мысли войти въ острогъ, отвѣчалъ: «Нѣтъ, этого никакъ нельзя», прибавивъ: «Тамъ

вамъ очень хорошо будетъ. Комната особая, не прикажете-ли поставить кровать?» — Не надо, рѣзко отвѣчала я, будемъ спать на полу, на соломѣ! — «О, какъ можно, Александра Николаевна, вскричалъ онъ. Кровати поставлю — скажите только, гдѣ взять постель — я принесу.— «Ничего не надо, ничего—соломы и соломы!» Въ такомъ-то настроеніи была — не радуйтесь, злодѣи!.. пожалѣйте, добродушные!..

«Пришелъ вечеръ — стало еще страшнѣе: въ конторѣ темно, никто свѣчей не несетъ. Вижу грусть, страданія сына. Онъ не говорилъ уже ничего, но, судорожно сжимая руки, ходилъ отъ одного окна къ другому!.. Смотритель объявилъ уже намъ, что брата будутъ пускать на полчаса въ день! Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ солдатъ къ смотрителю и доложилъ — все готово! Затрепетало сердце, вновь стало страшно — почти также страшно, какъ первый разъ въ присутствіи, когда Рыжковъ объявилъ, что поведетъ меня въ тюрьму! И повели насъ — повели десять человѣкъ вооруженныхъ солдатъ, ключевой съ огромной вязкой ключей и Надзиратель впереди, а Смотритель возлѣ насъ! Такъ и казалось, что ведутъ на плаху голову снимать! Вступили мы на лѣстницу: Ахъ, какъ тяжко, тяжко было, не забуду я тебя, во вѣки вѣковъ не забуду. Каменная ты, черная, ужасная лѣстница! такъ разсуждала я, шедши медленно по ступенямъ. Дитя дрожащее держало мою руку. Наконецъ, вошли мы въ корридоръ, темный, страшный; одна лампада лишь горѣла, огромные замки по обѣимъ сторонамъ на дверяхъ висятъ, гулъ отъ нашихъ шаговъ раздается и чудится Богъ знаетъ что́! Изъ окошекъ въ дверяхъ сверкаютъ глаза затворниковъ. Ухъ, какъ страшно! Повели насъ въ конецъ, въ самый конецъ корридора. Ни жива, ни мертва вошла я въ камеру, куда ввелъ насъ смотритель, солдаты-же оста-

лись въ корридорѣ, съ ружьями въ рукахъ. Комната узенькая, аршина 4 въ ширину и 6 въ длину, окно подъ самымъ потолкомъ и толстая желѣзная рѣшетка въ окнѣ: двѣ зеленыхъ кровати, ширины не болѣе 10 вершковъ, у окна и тюфяки изъ соломы. Смотритель засуетился, сталъ услуживать. «Я столикъ вамъ поставлю, возьму изъ церкви; идите—церковь вамъ покажу». Не помня себя, машинально слѣдовали мы за нимъ – и онъ ввелъ насъ опять въ тотъ самый страшный корридоръ. Церковь отворили, свѣчи зажгли — и я съ семействомъ очутилась предъ алтаремъ! Встала на колѣни — слезы душили меня, но я не зарыдала!.. Хотѣлось просить: оставьте меня въ церкви одну, но слова замерли на устахъ моихъ. Я знала, что не сдѣлаютъ этого! Вывели насъ изъ церкви, указали камеру. Мы вошли какъ истуканы. Смотритель сталъ прощаться, братъ подошелъ, едва не плача. Наконецъ, всѣ вышли, Дверь затворилась, задвижки засунулись, замокъ повисъ, и все это такъ громко, съ такимъ стукомъ и грохотомъ, что я съ Колею омертвѣли!..

«Въ первый разъ въ жизни очутились мы въ острогѣ; хотя насъ и мучили арестами, но въ квартирахъ, а теперь, теперь куда они насъ ввергли! Мы задумались, стояли, тяжесть оковъ почувствовали!.. Другъ на друга посмотрѣли, заплакали и обнялись! «Мамашечка, укрѣпимся, что̀ дѣлать!» и нѣжностямъ Коли не было конца. Это одно привело меня въ разсудокъ.»

Конецъ первой части.